

Ирина Аффи

МИНСК — БЕЙРУТ —
НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Ирина Аффи

Минск – Бейрут – неизвестность

«Четыре четверти»

Аффи И. А.

Минск – Бейрут – неизвестность / И. А. Аффи — «Четыре четверти»,

ISBN 978-985-7058-58-7

В романе прослеживаются судьбы людей двух поколений. Автор повествует о сложных взаимоотношениях героев: о любви, самопожертвовании. Мы убеждаемся, что истинные чувства способны преодолеть, казалось бы, непреодолимые препятствия. Жизнь героев наполнена трудностями, связанными еще и с тем, что родились они в странах, где разнятся и вера, и национальность, и нравы. Но они упорно идут к своей цели. Книга особенно понравится той части женской аудитории, которая убеждена, что счастье — непременно в дальних странах, за морями и океанами, — и ищет там свою вторую половинку.

ISBN 978-985-7058-58-7

© Аффи И. А.
© Четыре четверти

Ирина Аффи

Минск – Бейрут – неизвестность

Роман

© Аффи И. А., 2016

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2016

Рождество 2005 года в Ливане было украшено поистине европейской зимой. Белый снег покрыл дома и поля, украсив незатейливые постройки маленьких ливанских городков. Они походили на альпийские деревеньки, тревожа души живущих тут иностранцев своим тёплыми огоньками.

Инна ехала в своём маленьком «пежо» по размытым дорогам, похожим на её размякшее от воспоминаний сердце. Снег. Снег... Снег! На лобовое стекло падали хлопья и ей было даже жаль включать стеклоочистители, настолько редким для здешних мест и желанным был этот снег. В машинах было не принято менять резину на зимнюю, ввиду отсутствия зимы, и водители, медленно скользили по дорогам, проклиная всё на свете. Им не о чём было грустить, и этот, безусловно, красивый пейзаж, навевал на местных жителей совершенно другие мысли. «Не снег, а головная боль: школы закроют, дети будут дома, на работу и по делам не выедешь, кроме как на джипе. Пока не растает утренний лёд, надо будет цепи наматывать на колёса, чтобы передвигаться по заснеженно-обледеневшим дорогам. Эх, кому зима, а кому мука сплошная!»

В салоне Инниной машины пела в магнитофоне группа «Рондо», было тепло и уютно, и настроение было рождественским! И как кстати этот снег! И подарки к Рождеству она выбрала необыкновенные! Всё складывается таким волшебным образом!

Она проделала неблизкий путь в этот христианский городок, где рождественское настроение летало в каждом переулке. Хозяева выдумывали убранства для своих владений: одни ставили украшенные гирляндами из мерцающих лампочек ёлки в кадушках у входа, иные сооружали рождественские пещеры во дворах. На всех балконах многоэтажных зданий были приметы приближающегося праздника. Лица людей были озарены какими-то детскими и только в Рождество возможными улыбками. Все были приветливы и подчёркнуто вежливы.

Посетив все необходимые магазины, Инна направилась в ресторан забрать заказанные накануне блюда. Всё было готово и радушный продавец помог донести ей до машины пакеты с заготовками праздничного ужина. Садясь в машину, она услышала телефонный звонок и, спешно уместив свой ароматный груз на заднем сидении, начала искать телефон, неизвестно куда запропастившийся. Выудив его из щели заднего сиденья, всё-таки успела ответить.

– Алло! Лена! С наступающим тебя... Что случилось? Да, я ещё тут. Только вышла из ресторана. Хорошо, а что случилось? Ладно жду.

В полном недоумении Инна вернулась в ресторан и, заказав три чашки кофе, уселась у нарядного окна ожидать подругу. Что у той произошло по сбивчивым фразам понять было невозможно.

Ждать пришлось недолго. Не успел официант расставить на столе чашки, как ко входу подъехала знакомая машина. Из одновременно распахнувшихся дверей выскочили две женщины и направились в ресторан.

– Привет! Лен, что с тобой? Наташа, боже, да на тебе лица нет! Что случилось? – она переводила взгляд с осунувшегося Лениного лица на опухшее от слёз Наташино.

– Инн, Наташа пыталась вывезти Софью по поддельным документам, а Валид их поймал в аэропорту. Ему кто-то сообщил. Он дочку забрал, а Наташу чуть не убил. Хорошо, что я их

отвозила в аэропорт и была рядом – на парковке машину ставила, так она убежала ко мне и мы быстро уехали. Он её ищет...

– Нормально... А почему я ничего не знала?!

– Инн...

– Ладно, это не самое важное сейчас. Хотя обидно.

– Да я не хотела подставлять вас, девочки! – сквозь слезы заговорила Наташа. – Вам ещё тут жить! Просто побоялась ночью на такси уезжать, вдруг попался бы шофер, который Валида знает! Так ночью Ленке и позвонила, попросила подбросить.

– А где ты документы-то левые взяла?! – спросила ошарашенная Инна.

– Где-где? – злобно ответила за неё Ленка. – Сказала бы я где! Точнее у кого! Ей Тонька, сучка, обещала за десять тысяч баксов всё проверить. Эта бедная машину заложила, всё что было продала... А-а! Меня надо было брать с собой, когда к ней договариваться поехала! Ты со своей интеллигентностью и доверчивостью такую тварь не раскусишь. Веришь всему, бесп-толковая!

– Да ладно, Лен, не добавляй ей, и так вон еле живая сидит. А сейчас-то что делать?

– Не знаю... – Наташа полными слёз глазами смотрела в окно. – Жить не хочется, девочки... Я же её больше никогда не увижу... – Она опустила голову на руки и зарыдала.

Все понимали, что слишком велика доля правды в этих словах и не представляли, чем можно было утешить отчаявшуюся мать.

– Лена, милая, как я жить буду? Лена, что мне делать? – она не скрывая слёз и воя уже в голос тянула подругу за руку, будто подталкивая её совершить что-то невозможное, чтобы вернуть дочь. – Инна, её в платок оденут! Она будет расти, а я не увижу, у неё будут проблемы, а я не помогу... Инна... Она невестой станет, а меня не будет рядом...

Лена, смахивая слёзы, гладила её по поникшей голове, не зная что ответить.

– Пошли-ка к машине. – сказала Инна, собирая вещи. – Нечего внимание привлекать, раз такое дело.

Они вышли, поддерживая шатающуюся от бессилия подругу и перешли в машину. Наташа уже не рыдала, слёзы сами стекали по застывшему лицу.

– Слушай сюда, подруга. – сказала Инна, хорошенько встряхнув её за плечи. – Что случилось, то случилось. А сейчас слушай сюда! Пока мать жива и здорова, она вернёт ребёнка. Я не знаю как! Бог поможет! Но если ты помрёшь, то шансов нет. Мало кто проигрывает, в основном сдаются. Она повзрослеет и запрет не будет действовать после семнадцати – это первый вариант. Может она сама ещё раньше достанет отца просьбами и он согласится тебе её вернуть?

– Этого точно не будет... – тихо прошептала Наташа.

– Ну, а кто сказал, что он будет жить вечно? Вдруг помрёт, этот вариант тоже не сбрасываем со счетов! – бодро продолжала Инна, увидев, что в Наташины глаза возвращается интерес.

– Добрая ты женщина... – прокомментировала Ленка.

– Не мы начали эту войну! – парировала воодушевлённая оживлением подруги Инна. – И наконец! Ты красавица, мы тебя ещё раз в Ливане замуж выдадим. Как-никак, а рядом будешь!

– Инна, ну что ты ерунду говоришь! Мне одного замужества на всю жизнь хватит...

– Ну и умница. А теперь серьёзно, Наташа, за детей надо сражаться, и на это, возможно, потребуется время, возможно, годы. Но сдаваться нельзя! А пока в этом сражении надо временно спрятаться, чтобы сохранить себе жизнь. Это временно! Согласна?

– Спасибо. Но он не даст мне уехать. Найдёт и убьёт!

– Даст-даст. Только не сейчас, со временем. Время, Наташка, сейчас наше всё! – заключила Инна и, повернувшись к Лене, добавила. – Я сейчас к нам на разведку, а вы тут «туснитесь» где-нибудь. Разузнаю – перезвоню. А там разберёмся! Всё, побежала.

Наигравшись в снегу во дворе, замёрзшие и промокшие дети ввалились в домашнее тепло, оставляя по мере продвижения в квартиру лужи, перчатки, ботинки, куртки. Обычно терпеливая работница Рена сегодня была не в духе и, ворча на эфиопском, она шла за ними, нервно поднимая разбросанную на ходу одежду. У неё был тяжёлый день. Утром она испытала шок, увидев из окна белую землю, и подумала, что наступил конец света, о котором говорил священник в их церквушке-хижине на родине в Эфиопии. Во всей деревне у них не было ни одного телевизора, поэтому она даже представить себе не могла, что земля за ночь может сменить цвет. Тут ещё и неутомонный мистер Имад не мог успокоиться, пока не вытащил её на улицу и не забросал снежками, шутя, что впервые увидел воочию закон единства противоположностей. Мадам Инна потом успокаивала её и отпаивала чаем, ругая супруга. А тот набрал снег в тазик и превратил его в воду, отчего Рена опять заревела, а мистер махнул рукой и сказал ей «темнота!». Ближе к полудню мадам Инна уехала за подарками, и вот уже шесть вечера, на улице стемнело, а её всё нет. Земля же всё еще белела, даже ночью! Нехороший день...

Переодевшись, дети прошли в уютную каминную комнату, где за заваленным бумагами журнальным столиком работал папа, и сразу потребовали бутербродов с какао. Вздыхая, обиженная на весь (сегодня особенно) белый свет, Рена поплелась готовить им ужин. И почему хозяйка задерживается? Странный день...

Раздался телефонный звонок.

– Да, Инна! – ответил Имад, свободной рукой пытаясь отобрать у Насти важный документ, на котором та собралась оставить автограф. – Ты сегодня домой собираешься? Сейчас подморозит – не доедешь! Ну, давай, аккуратно. Нет, не знаю. А что случилось? – спросил и замолчал, внимательно слушая и мрачняя. – Инна, я тебя прошу, не вмешивайся! – опять глубоко вздохнул, продолжая слушать. Потом обречённо сказал: – Ну, поздно, так поздно. Да, я позволю. – и положил трубку.

Он вышел на кухню, мрачный как туча, сел, не замечая важной и обиженной Рены, и закурил. Она попробовала было недовольно кашлянуть, но хозяин глянул на неё так, что мило улыбнувшись и забыв все обиды, она с подносом пулей вылетела к детям.

Имад набрал номер старого знакомого и, оставив телефон на громкоговорителе, стал заваривать себе чай под мелодичные гудки. Потом передумал, выключил почти закипевшую воду и налил себе глоток виски.

– Алло! Алло! – закричали из телефона на всю кухню. – Имад! Как хорошо, что ты позвонил! Ты уже знаешь, что случилось?!

– Да, привет, Али! Не волнуйся. Инна звонила и рассказала в двух словах. Ей Лена позвонила. Они с Наташей к нам собираются и где-то через час будут.

– Зараза, идиотка!! Я же просил её не связываться с Валидом! Потом не выпутаемся! Что за женщина! Что делать? Мы вообще тут ни при чём!

– Успокойся! – все знали истеричный характер Лениного мужа, он был безумный трус и паникёр, и все боялись его непредсказуемого поведения, поэтому Имаду с его врожденной гипнотической силой убеждения было поручено обезвредить временно невменяемого друга.

Раздался скрип тормозов. Имад выглянул в приоткрытое окно: подъехала машина к их двору, хлопнули дверцы.

– Али, я всё решу, главное никому не звони и ничего не говори, особенно Валиду! А то он за такую новость тебя первого и возненавидит. Человек он недобрый! И мы с тобой стали тут очень даже при чём! Так что к телефону лишний раз не подходи, чтобы не врать, пока они не приедут и не разберёмся что и как, а увидишь мой номер – отвечай. Всё, ко мне пришли, пока.

– Как пока?! Кто? Кто пришел?! – кричал, изо всех сил хватаясь за нить телефонной связи, аппарат, пока Имад безжалостно его не прервал.

В тяжёлую дверь постучали. Рена поспешила открывать, чтобы хозяин не разозлился, но он её опередил.

– Иди и будь с детьми! Не выходите, пока не позову. – сказал он, посмотрев в глазок и отпирая замки.

«Нехороший день» – опять с грустью заскулило Ренино сердце...

– Ассаляму алейкум! – В дверь медленно вошёл очень высокий строгий мужчина с мало-подвижным лицом, тонким ртом и волевым подбородком. Рядом с ним всегда становилось беспокойно, некое предчувствие опасности появлялось в душе. Возможно, из-за большой комплекции или из-за непременного присутствия пистолета в кобуре на ремне брюк у всех мужчин его многочисленной семьи. Правда, он до сих пор ни разу не использовался, а служил таким фирменным знаком. Но ведь все знают, что бывает, когда на стене висит ружьё...

Они поздоровались за руку с хозяином и троекратно поцеловались.

– Добро пожаловать, Валид, заходи!

– Спасибо. – Валид прошёл в гостевой салон хорошо знакомого ему дома. Он заметно нервничал. Снял куртку, шарф положил на ближайшее кресло. Присел, потом пересел так, чтобы лучше видеть входную дверь.

Зная в общих чертах всё, что случилось, Имад понимал, что визит неслучайный, но пока слабо представлял себе предстоящий разговор и не торопил его. «Проблема серьёзная, тема очень личная, пусть сам решит, хочет ли он огласки. Одно дело – сплетни поползли, другое, когда сам признал и подтвердил. Пусть думает».

– Присаживайся, угощайся, закуривай! – Имад придвинул вазу с фруктами, вазу с сигаретами всевозможных марок, пепельницу. Сел на соседнее кресло не близко и не напротив, а очень нейтрально.

Валид закурил, молча перебирая чётки нервными пальцами и всё время почему-то оглядываясь.

– Как ты, Имад? Как дети, как супруга? Все здоровы?

– Слава Богу, Валид, все здоровы.

Имад не знал, как быть дальше, как вести беседу. Не спросить в ответ про его семью было бы крайне невежливо, тем более сразу станет понятно, что ему всё известно и он избегает разговора на эту тему. Спросить – тоже задеть за живое. А вдруг он знает, что всем уже всё известно? Тогда вообще форменное издевательство.

Инна спросила бы в лоб. Ей можно, она иностранка, а ему придется выкручиваться, соблюдая правила беседы.

«Где её носит?! Лучше буду пока о своих говорить, время тянуть» – решил он.

– Ты знаешь, Настя жалуется на боли в коленках, хотел тебе её показать, это же как раз твой профиль.

– Конечно, в любой день привози. Лучше с утра натошак. Если вдруг понадобятся анализы, чтобы сразу и сделать – машинально ответил гость.

– Спасибо! Может, в пятницу? У них выходной в школе.

– Да, привози прямо к восьми.

– Сейчас холодно, а в школах, похоже, экономят на мазуте, отопление включают на три-четыре часа.

– Да. – совершенно безучастно поддержал Валид.

– Зато каждый год на пятьсот долларов дорожает обучение. Представь положение семей, в которых пять детей и больше. Как они живут? Да поможет им Бог!

– Да. Да поможет им Бог!

– И нам. Я тебя оставлю ненадолго, кофе принесу. – сказал Имад, понимая, что говорит полную чушь. Он совсем растерялся перед этим угрюмым и тяжёлым гостем. Тот, думая о своём, поддакивал ему, наверное, даже не слушая.

«Что я несу? При чем тут мазут и многодетные семьи?» – подумал он, заглянув по дороге на кухню в детскую и, убедившись, что всё в порядке, плотно прикрыл им дверь. – «Пусть посидит один, решит, что ему надо».

Да... Предрождественский день и вечер обещали быть приятными и спокойными, но обманули все ожидания.

На кухне в Иннинном порядке он потерялся. Рену звать не хотелось, мало ли как дальше сложится беседа, не надо детям слушать.

Вот зачем на кухонной поверхности стоит маленькая ёлка и ваза с новогодними шарами? И где джезва для кофе? И где сам кофе? Ну, вот что за человек?! Где она, вообще?!

Он набрал привычный номер.

– Я еду, я рядом уже! Десять минут и буду дома. – сразу высказала телефонная трубка, – Я не могу ехать быстрее, снег.

– Где джезва и кофе?

– В смысле?

– Инна, у меня Валид, тебя нет, я пришел сделать кофе, а у тебя тут, блин, одни ёлки! Где кофе?!!

– Джезва на стене висит, подними глаза!

– Да, вижу. А кофе?

– В шкафу, над ёлкой.

– Надо, чтобы на кухне не ёлки были, а... а всё понятно было!

– Надо чаще бывать на кухне.

– Молчи и едь быстрее!

Невозможная женщина! Ну, вот ливанки дома сидят, мужей слушают, а тут ёлка блин! На кухне!

«Почему Валид молчит? Почему пришёл именно ко мне и именно сейчас? Инна меня предупредила, что Наташа убегала с дочкой, но он её нашел, дочку забрал. Зачем он пришёл именно ко мне сейчас? Я далеко не самый близкий его друг. Знает, что Наташа осталась, не улетела? Ну и что, вот проблема, домой-то она точно уже не пойдёт. Да и планировать выкрасть дочь у такого дядьки второй раз – утопия! И он это понимает. Куда она денется? Помается-помается и уедет, бедняжка».

– Так, кофе готов. – бухтел он себе поднос для успокоения. – Поднос вот. Где чашки? Тут нет и тут нет. Нигде нет! Нет, я убью её когда-нибудь! Её же ёлкой! А, вот, нашел! Ну вперёд ...

– Ещё раз добро пожаловать! Давай кофе выпьем. Отличный, горячий! Сахар добавить?

– Нет, я с сигаретой. – Валид глубоко затаился, поднял голову кверху, посидел с закрытыми глазами пару секунд. Потом повернулся к хозяину. – Имад, я понимаю, что ты не можешь не знать о том, что произошло. – Он сделал паузу, покурив. – Я благодарен тебе за твой такт и понимание. Ты, конечно, хочешь знать, почему я пришёл именно к тебе в такой момент... – Он глубоко вздохнул. Разговор давался нелегко этому властному человеку, привыкшему управлять и, по его мнению, хорошо управлять своей судьбой и судьбами близких.

– Имад, я ищу Наташу. Думаю, что твоя супруга должна быть в курсе её местонахождения. Ты мне позволишь поговорить с ней?

– Её пока нет. Надеюсь, скоро будет дома.

Как же с ним сложно всё-таки! Все выпускники институтов постсоветских стран общались по-дружески, без светскости, с какой-то подчёркнуто славянской простотой между собой. Только Валид, как будто и не ездил никуда никогда, был традиционен до мозга костей.

– Подожди, как ищешь? Она не улетела? – не желая показывать свою полную осведомлённость и надеясь услышать в рассказе Валида его намерения, удивился Имад.

– Нет, она убежала из аэропорта и вернулась! Она вернулась!

Нить от четок разорвалась, бусинки рассыпались по полу. Это стало последней каплей в череде событий сегодняшнего дня, переполнившей чашу терпения Валида. Он встал, нервно заходил по комнате.

– Имад, прости, ты же понимаешь, что она не могла сама это всё спланировать, и не могла сама вернуться из аэропорта. Ты же понимаешь! Я и так поступил крайне великодушно, что не убил её, а хотел позволить уехать. А она и тут ослушалась! Прости, но я вынужден спросить у твоей жены. Я знаю, что это либо Лена и Инна ей помогали в этой афере, хотя я правда не понимаю, как вы с Али могли им это позволить, либо у неё есть мужчина, что скорее всего! Она меня опозорила и ослушалась!!! – уже почти кричал он. – Мои братья ищут её! Ты понимаешь, что это конец?!..

– Подожди, остынь, успокойся!

– Успокоиться? Ты смеешься? Имад, ты понимаешь, что она наделала? У меня много братьев, у них жёны... У нас много женщин в семье, и если я её не накажу, они поймут, что им всё дозволено. И один Аллах знает, что начнётся! Я должен её найти! И убить... – как-то устало и обречённо закончил он. Закончил, сел и обхватил голову руками.

– Перестань, это же... – Имад чуть не допустил ошибку, чуть не сказал «смешно». Нет, это его боль, и если его ещё выставить смешным, то проснется зверь. – Это несерьёзно Валид! Двадцать первый век, люди разводятся, разъезжаются... – он тщательно подбирал слова. – Это очень неприятная ситуация, надо подумать как решить её...

– Это требование моего отца! Оно должно быть исполнено. – обречённо отрезал Валид.

– Закуривай. – взял паузу Имад. – Ещё кофе?

«Что делать? – думал он. – Как предупредить Инну? Ну, она умница, она должна понять сама. Я ей сказал, что Валид тут, должна же сообразить и предупредить подруг, чтобы не являлись пока сюда».

– Она убила меня своим поступком... Как она могла? – продолжал гость. – Чего ей не хватало? Бессовестная женщина! Она думает про дочь?! Она...

Звук открывающейся двери прервал его.

Вошла Инна. Улыбка натянута, всё понятно по напряжённому выражению лица: она знает, боится, но будет выкручиваться до конца.

Инна медленно зашла, внимательно вслушиваясь и пытаясь уловить настроение в доме. Так... Сидят... Ждут. Спокойно, надо закрыть дверь, не дрожать и тянуть время, пока не станет понятно, с чем пришёл гость.

– Здравствуй, Валид! Не вставай. – поздоровалась она, приложив к груди правую руку. Гость не здоровался за руку с женщинами по религиозным соображениям. – Привет, дорогой! – обратилась она к мужу, пытаясь изобразить беззаботность. – Снег, дороги скользкие – еле доехала! Чаю бы горячего, согреться... – в ответ молчание. Совсем, похоже, плохо всё... Надо быстро на кухню смыться... – Валид, с чем чай сделать? С корицей или с мятой? Или просто?

– Инна, поверь, мне абсолютно всё равно! Прости... На твой вкус. Мне бы хотелось спросить тебя кое о чём, можно?

– Да, секунду, поставлю чайник и переобуюсь, ноги мокрые. И к вам присоединюсь.

Настя, услышав мамин голос, выбежала из детской комнаты, бросилась к ней на шею, потом оседлала папу. Следом выскочил Никита, начал копать в пакете с покупками, искать шоколад... Отлично, надо под шумок позвонить.

Она вышла на кухню, одной рукой быстро набрала номер Лены, другой создавая шумовой эффект. Стукнула крышкой, открыла воду. Ну наконец-то, ответили.

– Лен, слушай внимательно, – шёпотом говорила она рядом с краном, из которого заглушая звук текла вода, – Валид у нас сидит с Имадом. Ждёт меня поговорить. Лица у обоих такие, что мурашки по коже. Не выезжайте пока к нам, сидите на месте, пока я не позвоню.

Никому не звоните и ... не дышите, если можете. Похоже он вас ищет. – протараторила и, не дожидаясь ответа, закрыла телефон.

Так, чай надо заварить. Уже вода в электрочайнике закипает, лучше заварить с корицей, может это его чуть успокоит. Надо и самой успокоиться, если ему нагрубить, он перестанет меня видеть и слышать. Да что ж за наказание такое? Спокойно! Всё!

Сапоги сняла дрожащими руками...

«Я паникую! Так нельзя, я наделаю ошибок! Надо успокоиться. Надо пощупать сначала его куртку, там есть оружие или нет?! Я с ума сошла! Какое оружие? Он к нам в дом пришёл, а не на войну. Тут дети! – мысли плясали, как языки пламени в костре испуга. – Давай, дорогая, мозг включай! Всё! Готова? Так... Поднос взяла... Лицо надо бы потупее сделать. Считаешь, что все бабы дуры? Вот и получай дуру душой. А что делать? Против лома нет приёма, а он не то слово лом – бронетранспортёр! Ничего, а мы окопаемся по периферии и заляжем в окопы. И фиг достанешь...» Так, успокоив себя, Инна показала на пороге гостевого салона.

– А вот и чай, чудесный! – она не удержалась и села в кресло, где Валид бросил куртку. Благо, оно стояло прямо у входа в салон. Спинай пошарив по ней, убедилась – чисто. Продолжая сидеть, разливала чай из прозрачного чайника. Разливала медленно, сама тайком поглядывая на гостя.

Молчит, в пол смотрит. Красив же, гад, как Абдулла в «Белом солнце пустыне» и характер такой же зверский. Почему Бог не даёт внешность под стать характеру, чтобы сразу было видно, кто прекрасен, а кто ужасен? Угораздило Наташку! Как завести разговор, если с ним в одной комнате находиться страшно? Но надо же что-то разузнать... Работа такая – дружба называется!

– С сахаром тебе? – Инна наливала янтарного цвета чай в маленькие стеклянные стаканчики на блюдцах.

– Нет.

– Пожалуйста! – сказала она, удобно подав гостю поднос и следя, как он берёт с него чашку трясущимися руками. Подошла подать чай мужу, но не обнаружила перед ним маленького столика. Надо бы поставить поднос на центральный стол и вытащить один из чайных столиков, составленных под ним, но её уставший мозг не смог соединить и упорядочить эти два простых действия. Она растерянно оглянулась вокруг, не выпуская из рук чая и не чувствуя от испуга в себе сил двигаться дальше. Имад, поднявшись помочь ей, понял, что жену скоро «Кондратий хватит», если они продолжают соблюдать правила этикета не переходя к разговору.

«Лучше ужасный конец, чем ужас без конца», – всегда говорила его мама.

– Инн, сядь, пожалуйста! Валид хотел поговорить с тобой по делу, к которому, я очень надеюсь, ты не имеешь никакого отношения. – сказал он повелительным тоном, сумев вложить желательный ответ в просьбу. Умница. Решил все карты открыть жене, чтобы избежать неожиданных ловушек.

«Ну, безусловно, я не имею никакого отношения!» – красивым почерком написалось на лице Инны.

– Да, слушаю.

– Инна, прости, если буду резок, ты знаешь, я не самый сдержанный человек. Скажи мне, где Наташа?

– Не знаю.

– Инна! Я знаю, что ты в курсе того, что произошло!

– Да. Глупо скрывать.

– Не отвечай, пожалуйста, да, нет, не знаю! Ты что, время тянешь?! Ты знаешь, где она? Кто тебе звонил и рассказал обо всём? – Он перешёл на крик и совсем не владел собой.

– Валид! Ты забываешься! – Имад встал как грозовая туча, это сразу утомило Валида. – Ты в моём доме! Разговариваешь с моей женой с моего разрешения! Не можешь держать себя в руках – разговор окончен!

– Прости, Имад, прости, Инна!

Инна, сделав вид, что оскорблена до глубины души, лихорадочно соображала, что нужно сказать, как свести концы с концами предстоящей вынужденной лжи, чтобы она выглядела правдоподобно? Выбежавшая Настя замерла с испуганным лицом. Рена, появившаяся за ней, остановилась на пороге. Она впервые за долгие годы видела свою хозяйку испуганной и слышала крики в доме.

– Так, дети, давайте к себе в комнату! Рена, чтобы я никого тут не видела! – осторожно вступала Инна в игру. – Валид, мне рассказала Лена, что ей позвонила Наташа из аэропорта, просила забрать. – пытаюсь подчеркнуть их непричастность, начала она. – Но Лена не могла и попросила нашу общую знакомую из Бейрута подъехать и забрать Наташу. После этого мы никак не могли с ней связаться, она не отвечала. Я позвонила недавно этой знакомой, она говорит, что Наташа у неё, в шоке, плачет и ни с кем не хочет разговаривать.

«Ну, как-то так! Вроде и мы ни при чём и мужчину исключили. Дай Бог, чтобы всё получилось! Господи! Помогите! Честное слово, эта ложь во спасение».

– Инна, если это не знакомая, а мужчина, то я тебе очень не советую её покрывать. Не порти свою репутацию!

– Валид! – опять не выдержал Имад. – Оставь в покое репутацию моей жены! Давай без угроз!

– Прости, Имад, я заболел сегодня, я с ума схожу! Моя жена хотела выкрасть дочь, сейчас где-то шляется.

– Ты не оставил ей выбора! – сорвалось у Инны.

– Я, Инна, кто угодно, но не идиот! Я заезжал к Лене, её не было дома. Али сказал, что она в парикмахерской. Уже пять часов? Это же понятно, что они вместе и где-то тут! И Али знает наверняка! – он закуривал одну сигарету за другой. Глаза блестели в бешенстве. – У какой она знакомой? А? Если это правда, дай мне её телефон! Я хочу ей позвонить!

– Слушай, Валид! – вдруг струной распрямилась Инна, стряхнув весь страх. – Я не буду перед тобой пируэты выписывать! Я не маленькая девочка, чтобы отчитываться перед тобой! Не можешь разговаривать? Вали пешком по рельсам. Ты мне ещё наручники надень и паяльником пытай!!!

– Что? Да я... – он слегка опешил от неожиданности, как от пощёчины приходя в себя.

– Что ты?! Что?! Ты сюда пришел семью восстанавливать, а я тебе в этом препятствую?! А?! Или разборки устраивать?! – она дерзко смотрела на него с неменьшим гневом и бесстрашием. Он промолчал, отвёл взгляд, затаился. – Ну конечно, разборки! И чего ты ждёшь? Что я скажу: давай, иди и пристрели её? Вот адресочек. Навигатор давай?!

– Я только хочу узнать, где она! Я сам разберусь со своей женой!

– А жёны дома сидят у хороших мужей, довольные и счастливые! А если решилась убежать, значит уже не жена. Тем более ты бы уж молчал! Твоя жена сейчас Зейнаб!

– Они обе мои жёны. Я имею право жениться несколько раз...

– Ой, да ваш узаконенный разврат меня не интересует!

– Инна! – теперь уже Имад пытался пресечь свою жену.

– Инна, сейчас очень серьёзный вопрос. – сдерживая себя из последних сил, медленно произнёс Валид. – Ты не поймёшь, ты... ты просто помоги мне её найти.

– А с какой радости, Валид? Почему из вас двоих, по-твоему, я должна выбрать тебя и тебе помогать? А? Ты сирота, ты живёшь на чужой земле? Ты вынужден прогибаться во всём, чтобы иметь возможность видеть своего ребёнка?

– Мы столько лет дружим...

– С тобой? Нет! Я дружу с Наташей и дружила с её мужем, пока он таковым являлся. Так что мы по разные стороны баррикад и не строй иллюзий!

– Инна, успокойся, давай поговорим! Спокойно поговорим. – вступил Имад, видя, что это «взаимообгавкивание» ни к чему не приведет. – Валид, если честно, то я тоже не буду помогать тебе, если ты её ищешь с желанием застрелить. Это не повод – «отец сказал». Да и зачем тебе это, реально? У тебя давно другая жена, другие дети. Оставь ты эту женщину в покое.

– И ждать, пока она снова что-нибудь придумает?

– Нет, я согласен, что оставаться ей тут теперь уже нельзя. Это уже и для неё опасно в первую очередь. Она и сама поймет, когда успокоится. Это просто был острый психоз, истерика, поэтому она и вернулась.

– Если не я, то её найдут мои братья...

– Ну, это в том случае, если ты их не разубедишь. Ты старший брат! Ты можешь сказать своё слово! Например, если её выслать, без права видеть дочь и въезда в Ливан, это достаточное наказание. Не бери грех на душу! И твоя дочь тебе не простит этого никогда, даже если тебе удастся избежать тюрьмы! Что вряд ли, учитывая солидарность русской женской мафии.

Инна не верила своим ушам: это говорил её муж! В этот момент у него было каменное лицо и каменное сердце. Её добряк и рубаха-парень был неузнаваем. Чужой, циничный мужчина, ищущий наименее травматичный для палача путь причинить мучения своей жертве. Ей стало так страшно, как не было никогда в жизни. Иллюзия, что её судьба сложилась удачно, что она застрахована порядочностью этого доброго и надёжного человека от сюрпризов чужбины, рассыпалась вдребезги.

Из дерзкой и смелой женщины она вдруг стала напряженно-испуганной и беззащитной. Ей расхотелось дерзить и доказывать что-то Валиду, и вообще расхотелось быть тут, видеть и слышать всё происходящее. Хотелось бежать, хотя бы в другую комнату и запереться. А лучше в машину и в посольство, хотя там не помогут, проверено.

Имад прочитал всё по её лицу.

– Инна, иди и накрой на стол, нам надо поговорить без тебя! – нарочито грубо сказал он, а сам подумал: «Только бы послушалась и не выступала, а тихо ушла. Вроде он начал слушать, перестал сопротивляться. Теперь главное не спугнуть. Я сейчас должен стать таким, как он, говорить на одном с ним языке. Может тогда удастся выдрать эту бедную женщину из лап его семьи. Главное, чтобы жива осталась. Тогда будет надежда всё изменить. Бог поможет. «Дорогу осилит идущий».

И она встала и ушла без единого звука.

«Бедная, как я её напугал! – у Имада сжалось сердце – Ну, ничего, потом всё объясню. И вообще, ей давно пора стать осторожнее, совсем без тормозов!»

– Валид, давай поговорим по-мужски. Если ты так взбесился, потому что считаешь, что тут была помощь мужчины и у неё был любовник, прости, что рассуждаю о твоей жене, – сказал он, приложив руку к сердцу. Валид кивнул, разрешая продолжить. – то это очень сомнительно. Ведь очевидно, что и Инна и Лена как-то помогли ей и знают больше, чем говорят. – он вынужден был частично сдать их, имея уже достаточно цельный план, как разубедить его. – И это хорошо! Если бы был мужчина, то их помощь не понадобилась бы. Да и сделано всё было бы умнее и ты бы ничего не узнал... Кстати, если не секрет, как ты узнал?

– Не секрет. Не секрет, а кошмар и наваждение! Мне позвонили на рассвете, ты знаешь кто? Попробуй догадаться! Тоня! Та бывшая танцовщица, на которой хозяин притона женился. Разбудила и говорит: «Посмотри, Наташа и Сонька дома? Срочно. Я перезвоню». Ну ты же знаешь, я сейчас у Зейнаб живу. Вылетел к ним бегом, через дорогу! Дверь открыл – никого! И вещей нет! – ему надо было выговориться, глаза наполнились слезами. – Нет, понимаешь, я думал всё, мою Соньку больше не увижу. Ищу номер, по которому звонили – не определился. В бешенстве полдома разнёс, пытался найти хоть что-нибудь, подсказку какую... А тут эта

перезванивает, шлюха! Мол, она случайно узнала, услышала в их баре от какого-то мужчины, что Наташа убегает с дочкой утром. Имад! Какой-то козел из бара будет куда-то вывозить мою жену и дочь?! Ты понимаешь, что я разум потерял, в тот момент я убил бы их обоих, если бы увидел, не думая ни секунды.

– Понимаю...

– Ну вот! Она сказала, что рискует и информация стоит денег, что за десять тысяч долларов она согласна рискнуть. Надо было сразу сесть в машину, приехать, вытряхнуть мозг ей и её мужу-сутенёру! Но я был не в себе, согласился. Через полчаса подъехал её муж, забрал деньги и сказал: где, во сколько и из какого терминала и дал даже номер телефона таможни, на случай, если я захочу, чтобы её задержали до моего приезда.

– Даже номер таможни! Случайно тоже завалился, надо полагать?! Ну, понятно, что всё не случайно...

– Да я и сам понимаю уже, что всё не случайно! – в сердцах крикнул он. – Имад, это кошмар! Зачем Наташа так со мной? Я всегда был честен с ней, а она за моей спиной...

– Ну, знаешь, легко быть честным, когда вся сила и власть в твоих руках...

– Имад! Ты не знаешь всего! Наташа больше не могла иметь детей, а я хотел сына! А Соньке хотел сохранить мать, чтобы не росла с мачехой! Как ещё я мог всё это устроить?

– А Наташа? Чего хотела Наташа? Прости, просто я хочу перевести эту проблему из безумной войны в ситуацию понятную, пусть и неприятную, тяжелую, но понятную. Она оказалась заложницей твоих планов на жизнь! Я уверен, ей не нужен был никакой мужчина. Она любила тебя всегда и терпела всё ради тебя и Соньки. Но, наверное, больше не смогла. Ты должен понять её и, исходя из этого, действовать!

– Это невозможно!

– Почему? Разве Наташа плохая мать или позорила тебя раньше?

– Достаточно позора сейчас! Её поступок непростителен!

– Вот именно! Она хорошая женщина, совершившая недопустимый, по твоим меркам, поступок. Это разные вещи! Подумай спокойно. Если бы у неё тут была семья с десятком горячих братьев, тебе бы пришлось учитывать и её интересы. И, возможно, отказаться от своих «хочу» в интересах семьи. Своей сестре ты вряд ли бы пожелал такого счастья... Просто пойми её! Ты сам сотворил бомбу замедленного действия! И она сработала.

Инна, выйдя на кухню, вся превратилась в слух. Позвала Рену, оставив Настю на Никитку, попросила выложить продукты для ужина, а сама набрала номер Ленки.

– Лен, вы в порядке?

– Пока да, но уже темнеет. Неприлично сидеть в гостях на кофе двум женщинам, тем более там, где мы с Наташей сидим, нас вообще не ждали. Нам надо куда-то уехать. Куда?

– Не знаю, сюда точно пока нельзя, боюсь и потом. Имад с Валидом обсуждают, как лучше уничтожить Наташу. Мне самой тут страшно.

– Не глупи, Имад – умница и добрый – на такое не способен.

– Лен, если б ты его сейчас видела! Это копия Валида.

– Да, тогда вообще край! Мой тоже звонит, орёт, что если сейчас не приеду, то могу вместе с Наташкой собираться. Ну, этот поорёт и отойдёт.

– Лен, езжайте к тебе. Похоже, разговор тут долгий, мне сказали ужин сделать.

– Ты что! Мой помрёт от страха, ты же знаешь какой он паникёр.

– Скажи, на пару часов.

– Нет, я боюсь, что он сам позвонит Валиду, чтобы тот забрал Наташу. Я его, конечно, прибью за это, но уже поздно будет. Нет, он ненадёжен вообще. Пока у тех кровь не откипит, лучше не рисковать.

– Слушай, а езжайте к Марьям! У неё муж в Эмиратах. Она нас всё на вечеринки зазывала. Позвони и скажи, что на кальян заедете. И у неё хоть до утра можно, она пока все шмотки

и золото покажет – утро будет. Даже, знаешь, отвези туда Наташку, оставь, а сама сгоняй к Али, приложи к груди, успокой. Только Марьям ни полслова, она очень добрая и гостеприимная, но болтает не думая.

– Слушай, а это выход! Все, звони нам, если что.

Она поспешила заняться ужином, благо Рена всё подготовила. Дверь оставила приоткрытой и прислушалась.

Пауза. Кальян раскуривают, наверное.

– Давай, Валид, разумно действовать! Я с тобой, если ты хочешь виноград собрать. И я против тебя, если виноградаря убить. Тебе что надо?

– Чтобы эта женщина исчезла и страдала так, как я сейчас.

«Не дай Бог тебе страдать так, как страдала и страдает она!» – подумал Имад.

– Тебе будет достаточно её исчезновения из твоего поля зрения? – спросил он. – Пусть уедет, закрой ей въезд обратно и всё. Ты больше не увидишь её никогда. Не бери грех на душу! У тебя нет доказательства измены.

Валид молчал, как будто не было больше сил ни думать, ни мстить, ни говорить. Он больше всего хотел бы закрыть глаза, потом открыть и понять, что это был сон. Что выстроенная им жизнь стоит незыблемой крепостью. Он всё всегда делал по правилам, обдумывал, старался. И был уверен, что в этом крепость его постройки. Сегодня всё рушилось. Он боялся позвонить родителям, спросить про Соньку, потому что понимал, не будет больше покоя и радости у его девочки. Никто и никогда не заменит ей Наташу, самую любящую и нежную мать. Да и зачем спрашивать, когда все ответы известны наперёд? «Все ли хорошо? – Нет. Не плачет? – Плачет. Ест? – Нет. Что-нибудь хочет? – Маму!» Он так любил своего ангелочка, что не мог этого слышать. Но сейчас надо думать не об этом. Его дело сейчас разобраться и наказать. Он мужчина!

Имад видел, что Валид успокаивается, начинает думать. Понятно, что самое тяжёлое ещё впереди, но уже есть надежда, что он не наделает глупостей сгоряча.

Гость молча курил кальян.

Вошла Инна. Её бедную было не узнать, будто хозяйничала в чужом доме. Появился какой-то страх в глазах, она всё время поглядывала на Имада. Она боялась его!

Это страшно, когда чужая беда, как спрут вползает в твой дом, окутывает и душит покой и счастье, доверие и беспечность, которые наполняли его. Имад даже не мог обнять её сейчас. Надо было выдержать. Валиду так спокойнее. Он должен видеть в нём союзника, такого же мужчину – холоднокровного строителя жизни и счастья.

«Эта моя дурная, всё равно будет до конца сражаться за свою подругу. – думал он, наблюдая, как в процессе обдумывания ситуации у Валида меняется выражение лица. Не то чтобы даже выражение, а будто теневое оформление. Лицо то темнело, потом, чуть просветлев, опять начинало затягиваться. – Знать бы, что он там надумал! Но в любом случае надо сделать как-то так, чтобы против неё не сражался весь свет. Так что, терпи Инка меня такого, ради тебя стараюсь! Мне не особо важна дальнейшая судьба Наташи, хотя, чисто по-человечески, её жалею. Да и распоясалась ты совсем, мать! Ёлки на кухне, весь дом в гирляндах, на камине сапожки для рождественских подарков. Это при живом-то муже мусульманине!» Имад чуть сдержал улыбку. Перемены в его лице заметила Инна, нахмурилась, отвернулась. Совсем запуталась, бедная.

Нормальная домашняя суэта с расстиланием скатерти (обязательный Иннин ритуал перед едой, она не признавала клеёнок) со звяканьем посуды, хлопаньем детей по рукам, чтобы не хватали со стола, подействовала на всех умиротворяюще. Все понимали неизбежность продолжения разговора и принятия сложных решений, но как будто договорились взять тайм аут, чтобы разобраться в себе и усадить готовых к аплодисментам тараканов в разгорячённых головах на свои места. Инне стало невероятно важно, как Настя держит вилку, что Никита не

в той последовательности ест блюда и у него будет гастрит. Имад, казалось, поставил целью сегодняшнего вечера укормить Валида до полного переключения кровообращения с головы на желудок. Валид ел, не сопротивляясь, и Инна, поглядывая на него, изумлялась количеству поглощённой им еды. Наверное, Имад надеялся, что тот просто скоро впадёт в кому от ожорства и мозговой гипоксии.

В самый разгар этой семейной возни раздался звонок в дверь. Как-то очень зло и нагло. Иннина интуиция, подводившая крайне редко, просто рванула по нервам: что-то недоброе сейчас будет происходить.

– Подожди, я уведу детей! – быстро среагировала она. – Рена, перенеси их ужин в каминную, к телевизору. Быстренько! Никит, ну ты дядька взрослый уже, не тормози, видишь, хрень какая творится. Давай, сынок, носа оттуда не высовывать! Давай, мой мальчик, и Настю держи. Рена, даже если по ушам придётся им проехать, чтобы я тут никого не видела! – и, усадив их в комнате, повернулась уйти.

– Мам, – пробасил пятнадцатилетний Никита, – ты это, будь аккуратнее, не лезь всех защищать. Мне страшно за тебя.

– Да, прости родной, я больше не буду такой дурой. Я буду аккуратной. Ты испугался?

– Мам, дядя Валид не папа! Он суровый и опасный. Подумай о нас, а не только о тёте Наташе. И Настюха боится.

– Всё. Обещаю! – дрогнувшим голосом пообещала она. – Главное не выходи.

В салоне раздался шум, крики. Инна выглянула: мужиков десять махали руками, кричали, толпились в прихожей. Зазвонил телефон у Валида.

– Это отец! Тихо! – сказал он и ответил: – Алло! Да папа, все здесь. Только что. Нет, я её не нашёл. Да, искал. Папа, успокойся! Я тебя умоляю, я и так еле живой! Прости. Да. Как Софи? Да, хорошо. – в процессе разговора Валид мрачнел. В трубке кричали так, что он отстранял руку от уха. Лицо его опять стало тяжёлым и неживым. – Я перезвоню.

Очумелый крик, слегка приутихший во время разговора по телефону, возобновился. Все обращались к Валиду, по очереди пытаясь привлечь его внимание то потягиванием за рукав, то пиханием. Он стоял в середине с пустым взглядом. Инна чётко слышала многократно повторяющиеся слова: ты должен её убить! Она опозорила всю нашу семью! Как после этого твоя дочь на люди покажется?

«Да! Моя дочь! – подумал Валид, – Это самое главное сейчас! Её репутация, её будущее. Как она останется тут жить с клеймом дочери гулящей иностранки, убежавшей с другим мужчиной? Как я смогу отправить её учиться? Все решат, что она уехала для обретения свободы, а не для учёбы. Кто женится на ней? Худший из худших? И будет попрекать её всю жизнь и требовать послушания и благодарности. Нет! Софи, девочка моя, ты будешь принцессой!»

Опять зазвонил телефон:

– Папа? Да! Слушаю! Нет. Нет! Я умоляю тебя, оставь меня в покое! Я застрелю себя в конце концов!! Я сам разберусь! – отключив телефон он, как бы придя в себя, оглянулся, осмотрел всех пришедших и вышел из круга обступивших его людей.

Инна разглядела в этой толпе троих родных братьев Валида, племянников и двоих мужчин почтенного возраста, орущих громче молодых. Да, лозунг «хлеба и зрелищ!» актуален всегда! Вечен! Позови их всех помочь деньгами или брёвна потаскать, двоих не соберёшь. А тут слетелись, стервятники!

«А с кем Валид в аэропорт ездил? – лихорадочно соображала Инна, подглядывая через приоткрытую дверь. – Один! Наташа сказала, что один. Значит, как и что было, точно никто не знает. И Валид молчит, не обвиняет пока Наташу ни в чём... Если вдруг он всё решит переиграть, то надо сразу включаться в игру, приходить на помощь. Понять бы, что у него в голове! Давай, дорогой, не упусти этот шанс! Пока лишнее не сказано. Папе восемьдесят лет, он мог всё неправильно понять. Давай, будь мудрым! Ради Соньки!»

Как будто услышав Иннины мысли, Валид повернулся к мужчинам своей семьи.

– Пройдите и присядьте! – скомандовал он, затем, соблюдая правила, обратился к хозяину. – С твоего разрешения, Имад?

– Да, конечно, будьте как дома! – Имад успокоился, когда понял, что Валид принял единственно верное решение. Это стало видно по тому, как он моментально преобразился: расправились плечи, вернулась уверенность в движениях и сила во взгляде.

Дождавшись пока все рассядутся, он занял центральное кресло, обвёл холодным и недобрым взглядом с приподнятой бровью всех присутствующих.

– Я хотел бы уточнить. Правильно ли я понял, что мою жену кое-кто из вас считает падшей женщиной и требует убить? Если да, то я бы хотел знать, кто и какие у него доказательства? – закончив, он медленно обвёл взглядом всех присутствующих.

Такого поворота событий не ожидал никто! Все переглядывались, кто-то перешёптывался, даже громогласные старейшины сразу приутихли и для безопасности прикинулись полуглухими друзьями Алицгеймера. Они-то пришли помогать, спасать, отстаивать честь! Но всё основывалось на словах отца Валида, а от него лично никто ничего не слышал. А отцу-то за восемьдесят, да и слуховой аппарат ...

– Прошу прощения у старейших, но я, как старший среди братьев, хотел бы услышать ответ! Кто и на каком основании порочит имя моей жены? – «Прости меня, папа, так надо, ради Софи».

«Ну, пора идти на помощь!» – решила Инна.

– Добрый вечер! – сказала она всем, входя в переполненный салон. Мужчины встали, чтобы поздороваться с хозяйкой дома. Лица растерянные, в глаза не смотрят.

– Добрый вечер, Хайдар, как жена, дети? – сказала Инна единственному из братьев гостя, с семьёй которого была знакома лично, и, повернувшись к Валиду, продолжила: – Валид, звонила Наташа, просила передать, что билеты пока не нашла на сегодня, но на завтра забронировала. Просила оставить Софи на время её отъезда у тебя. Они с Леной заедут ещё в несколько турфирм, и если найдут билеты на сегодня, то она сообщит тебе.

Тут вообще никто ничего не понял, в том числе и сам Валид. Как на это реагировать? Воцарилась абсолютная тишина ожидания. Именно в такие минуты жалеешь, что нет под рукой фотоаппарата. Какая серия портретов могла бы получиться! Присев на кресло, Инна, как ни в чём не бывало, глотнула кофе и опять обратилась к Хайдару:

– Такое несчастье, да?

Он кивнул на всякий случай. Ну, в принципе-то несчастье по-любому! А она продолжала:

– Так внезапно Наташина мама заболела, подозрение на инфаркт! – «Простите меня, Татьяна Викторовна, доброго здоровья вам!» – Мы с утра все на ногах, пытаемся Наташу быстрее к маме отправить. Такое несчастье! – и контрольный выстрел: – Хайдар, может у тебя есть знакомые, чтобы помочь?

«Вот шельма! – подумал Имад. – Это где же ты так врать-то научилась, не краснея?»

Совершенно запутавшийся народ тихо перешёптывался и неловко пытался делать вид, что ничего особенного не произошло, так, простое недоразумение.

Инна удалилась на кухню сварить ещё кофе. Посуды в умывальнике было, как в столовой дивизионного корпуса после обеда. Посудомоечная машина отказывалась обслуживать такое количество клиентов, но часть работы на себя взяла. Хозяйка решила сегодня не заморачиваться на мелочах, а на фоне пережитого стресса гора посуды была такой мелочью! Ничего, отмоем эту партию, загрузим другую! Рену подключим, справимся! Ей овладела эйфория победителя, казалось, они с Имадом сотворили невозможное и теперь всё как-то само собой наладится.

Выпив кофе, мужчины спешно разошлись, громко прощаясь и почти шёпотом извиняясь, проходя мимо Валида. Наконец и их неожиданный, но надолго задержавшийся гость тоже стоял одетый в прихожей:

– Спасибо тебе, Имад! Ты предотвратил беду! – с искренней благодарностью сказал он, пожав на прощание руку хозяину.

Потом повернулся к Инне и холодно добавил:

– Инна, прости за беспокойство, спасибо за тёплый приём и помощь.

– Ну, не такой уж тёплый!

– Нет, всё правильно! Передай Наташе, когда увидишь...

– Я не знаю Валид, вряд ли она мне позвонит и... – начала увильнуть она, но Валид прервал её:

– Инна! Я же говорил, я не идиот.

– Хорошо, что передать?

– Что я её не трону, но у неё на всё два дня. Если нужны вещи из дома, ты сама можешь приехать и забрать их. Но через два дня она должна покинуть Ливан и я должен получить подтверждение. Инна, и только в этом случае я её не трону!

– Валид, а как же Сонька?! Она же умрёт без Наташи! Да и жизнь без матери, это не дай Бог! – вдруг осознав всю безысходность ситуации, затараторила Инна.

– Инна! Не перегибай палку! Ей повезло, что она жива до сих пор! – зло отрезал надоевший всем гость.

– Хорошо, хорошо! – вмешался Имад, чувствуя, что они сейчас опять сцепятся надолго. – При возможности мы передадим.

– Спасибо! Спокойной ночи! До свидания!

Двери захлопнулись, и они упали в кресла без сил.

– Боже, как же я устал! Одиннадцать часов! – сказал Имад, растирая лицо ладонями. – Что за день?!

– Рождество... – пробубнила развалившаяся в соседнем кресле Инна. – Рождество!

Вскочив с кресла, Инна побежала в каминную. Там на диванах спали Никита и Настюша, а в кресле, облокотив подбородок о ладони, сидя спала Рена.

Она расстроенная вернулась в гостевой салон, где уже дремал Имад.

– Имад! Как ты можешь спать?! – она трясла за руку просыпающегося мужа, который пытался выбраться из глубокого кресла. (Так как лежал он поперек, выходило с трудом). – Имад!

– Инна, что случилось? Ещё кого-то пытаются застрелить? Ты чего меня мучаешь? – Он уже сидел, уставший и хмурый. – Инна, я попрошу политического убежища от тебя! Я спокойный флегматичный немолодой мужчина, мне нужен восьмичасовой сон!

– Имад, Рождественская ночь! – сказала она, села рядом и заплакала. – У меня полная машина подарков, в холодильнике замаринованная баранья нога, мандарины, вино «Chateau K». Мы должны были перед ёлкой сидеть с детьми, подарки разворачивать.

Ему стало искренне жаль жену. Она придавала огромное значение семейным праздникам, особенно Рождеству. «Это то, что всегда будут вспоминать наши дети!» И сегодня по снегу поехала за тридевять земель, чтобы найти особенные подарки для каждого, даже для Рены.

– Дети уснули, не дождавшись подарков, а у меня их письма Деду Морозу! И подарки от него. И вообще, Рождественский праздник, это как благословение семье на год! – она рыдала, хлюпая носом. Имад поглаживал её плечи, понимая, что слёзы больше от пережитого сегодня потрясения, чем от несостоявшегося праздника.

– Слушай, а ты подружкам своим блудным не хочешь позвонить? Пора им приезжать!

– Ой, точно! Боже, как я могла забыть! – Инна вскочила и побежала на кухню за телефоном.

– Инка, ногу-то баранью по дороге всунь в духовку! Гости скоро приедут! А я спущусь в гараж, покупки из машины достану.

Она вернулась, стала в дверях, благодарно глядя на него, и сказала:

– Я давно тебе не говорила, что ты лучший мужчина на земле! – и исчезла в проёме.

– Ну, это несомненно! – через силу направляясь в гараж, ответил Имад дверному проёму.

Разбудили Рену, отправили убрать за гостями. Детей растащили по постелям. Имад подбросил дров в камин и, наслаждаясь покоем, присел перед огнём, вытянув ноги на овечьей шкуре.

В восточных домах так мудро придумали разделять салон для гостей и личное жилое пространство. Даже чисто психологически, именно то, что пространство остаётся недоступным для посетителя, создавало чувство защищённости. В Европе нет таких проблем, там визиты редки и по делу. Просто ежедневно сидеть у кого-то в гостях нет ни времени, ни смысла. Тут же визиты с целью убить время являются частью социальной жизни человека. Как-то в репортаже на канале «Евроныус» говорили, что в странах Востока люди в среднем читают четыре страницы в год. Наверное поэтому основным источником передачи и обмена информацией является «голосовая почта» участников вот таких многочасовых чайных и кальянных посиделок. И информация часто циркулирует без обновлений извне, поэтому оживляется личным отношением к ней участников разговора. Иначе говоря, в пятом пересказе не остаётся и десяти процентов от первоначальной. Зато психоаналитики в этой стране уж точно никому не нужны.

Их дом не был похож на дома местных жителей ничем, кроме гостевого салона. В их личной гостиной были стеллажи для книг, камин, удобные мягкие диваны, журнальный стол, заваленный книгами, и старинный торшер, купленный в антикварном магазине и отреставрированный Иннинными руками. Интересно, но Имаду казалось, что именно этот торшер с жёлто-кремовым ситцевым абажуром создавал в комнате атмосферу тепла и уюта. В доме всё жило, не было вещей, бесцельно стоящих на полках. Всем пользовались. Все книжки читались. Интересные чашки, привезённые из разных мест, использовали по настроению. Инна любила дождь пользоваться глиняной посудой и льняными салфетками, а в жаркие дни тонким фарфором. Посуда разбивалась, но был ритуал «последней чашки из набора», которую выставляли на полку на кухне. На память. Там собралась целая коллекция. «Наши домовые» называла их Инна. В этом творческом и любимом до последней табуретки доме росли их прекрасные дети в уюте и свободе мнений.

Они были очень похожи, Инна и Имад, несмотря на пятилетнюю разницу в возрасте. У них были схожие взгляды на жизнь, на воспитание детей и даже внешность: оба высокие, худощавые, кареглазые с похожими чертами лица, разве что у Инны густые осветлённые волосы, а у мужа традиционная арабская залысина. Увидишь, подумаешь брат с сестрой, послушаешь разговоры, подумаешь друзья... Интересная, оригинальная семья по местным меркам.

1970 год

Мама Имада была родом из Минска, и растила его до десяти лет одна. Точнее, не одна, а без мужа, так как рядом всегда были дедушка и бабушка. Семья была небольшая, интеллигенты старой закалки с присущей им самозабвенной жертвенностью. И все в нём души не чаяли.

Маму звали Анжелой, и была она хороша собой невероятно! Белокожее лицо с гривой густых каштаново-рыжих волос и болотного цвета глазами. Высокая, статная, в меру худая с красивыми женскими изгибами, она всегда была с натянутой спиной и гордо приподнятой головой.

Папа Имада, Ахмед, чуть с ума не сошел от счастья, когда эта красавица из всех студентов стоматологического факультета приняла именно его ухаживания. Правда, добивался он этого долгих два года. Будучи студентом третьего курса, он заметил Анжелу в библиотеке в компании первокурсников, часами просиживающих над учебниками в перерывах между занятиями. И заметил только потому, что она казалась выше всех, сидящих за столом на голову. Потом, мельком увидев её в коридорах института, он удивился, что она, конечно, высокая, но совсем не такая гигантская, какой казалась в библиотеке. Уже с интересом наблюдая за ней в следующий раз, он понял, в чём секрет оптического обмана! Она держала спину, как балерина на сцене! Когда все её друзья по мере вгрызания в гранит науки просто растекались по столам, она продолжала сохранять осанку. «Интересная девушка, надо бы познакомиться!» – решил он.

Разбалованный женским вниманием, Ахмед несколько не сомневался в своей неотразимости и, не испытывая особого волнения, решил подсесть к ней завтра в столовой. Ещё учась на подготовительном факультете в группе иностранных студентов, он понял, что иностранец в Советском Союзе – это бонус! Для неискущённой советской девушки их необыкновенные заграничные одеколоны, джинсы, заискивающая вежливость, возможность ездить на такси и посещать дорогие рестораны создавали образ заморского принца на белом коне. А восточная любовь раздавать комплименты и интересоваться о здоровье всех членов семьи вплоть до восьмого колена воспринималась как искренняя влюблённость и интерес к себе. И девушки даже не подозревали, что истинные принцы учатся в дорогих институтах Лондона и Парижа. А те, которые по протекции коммунистической партии Ливана попали на бесплатное обучение в Советский Союз, зачастую вынуждены были привозить с собой десяток джинсов и курток, подделанных под фирменные бренды и купленных в недорогих магазинах Ливана, чтобы тем самым обеспечить себе безбедное существование. Но девушкам, конечно же, об этом не сообщалось!

Придя на следующий день в институт особенно нарядным и ароматным, Ахмед бродил в отдалении по коридору, ожидая появления своей прелестницы. И вот, наконец, она пришла в компании своих друзей. Они заняли свободный стол и, оставив Анжелу караулить места, отправились к раздаточной.

Ахмед, воспользовавшись моментом, подошел:

– Здесь не занято? – спросил он, лучезарно улыбнувшись.

– Простите, но все места заняты. – ответила девушка обернувшись. Он впервые смог рассмотреть её вблизи, и был потрясён красотой глаз и особенно изысканностью красок, которыми одарила её природа. Ровная белая кожа лица без единого пятнышка, зелёные глаза и коричневые волосы, рыжие на свету. Глаз не оторвать! Вот уж правда, бывают женщины красивые, потому что умные, а бывают просто красивые. Божественно красивые! Эту красоту оценил не только он один, судя по тому, как пара парней из её компании, бросив подносы, спешно вернулись к столу.

– Какие-то проблемы?

– Нет, хотел присесть рядом с девушкой.

– Иди, к своим присаживайся! Тут все места заняты!

Потом было ещё несколько безуспешных попыток, но кто-то всё время оказывался рядом. Девушка вела себя совершенно нейтрально, не предпринимая никаких попыток привлечь к себе внимание. Она везде появлялась в компании друзей, никого из них не выделяя как своего молодого человека. Если они встречались на коридорах и он с ней заговаривал, она спокойно отвечала, без смущения и ужимок, как отвечала бы дворнику дяде Пете, или соседке тёте Маше. Ахмед, в отчаянии перепробовав весь свой стандартный арсенал уловок Казановы, понимал, что у него нет шансов. И понимал, что полюбил эту недотрогу. И кто знает, добился бы он её расположения или нет, если бы не помог случай. Несчастный случай, положивший начало его счастью.

Однажды, возвращаясь с кафедры челюстно-лицевой хирургии, он увидел её на остановке. Спеша перейти дорогу и не обращая внимания на красный цвет светофора, Ахмед заметил краем глаза одного из друзей Анжелы, который тоже к ней неровно дышал, и сейчас пытался первым пробраться между машинами к остановке. Это именно он всегда появлялся не вовремя, откровенно грубил Ахмеду и даже один раз подрался с ним. Прибавив скорость, Ахмед прорывался вперёд и вдруг услышал звук удара и визг тормозов, обернулся и увидел своего конкурента лежащим на асфальте в крови. Забыв обо всём на свете, он рванул к распластанному человеку, проверил его пульс и, убедившись, что тот не дышит, начал делать искусственное дыхание и массаж сердца, стараясь при этом как можно меньше шевелить его. Скорую вызвали и всё время, пока её ждали, он упорно вдыхал жизнь в этого паренька. Потом поехал с ним, неизвестно зачем, но, как оказалось, очень кстати – у них обоих была редкая четвёртая группа крови. Когда после долгого лечения парень пришёл в себя, врачи сказали, что выжил он не столько благодаря их трудам, сколько благодаря отчаянному старанию Ахмеда.

Этот поступок глубоко потряс Анжелу. Она впервые увидела Ахмеда. Не его манеры и красивые одежды на смуглом теле, не его скудный русский язык и слишком большой набор комплиментов в процентном соотношении с общим словарным запасом. Она как будто заглянула в его душу. И там было светло и чисто. Оказывая помощь её однокласснику, Ахмед ни разу не взглянул ни на неё, ни на кого другого, а когда подъехала скорая и перехватила пациента в свои руки, он долго говорил им что-то на арабском, не успев переключиться. Анжела потом с улыбкой сравнивала его с радисткой Кэт в фильме про Штирлица, которая в момент нестерпимой боли во время родов крикнула на русском языке «мама». Вот и Ахмед был предельно натурален в тот момент и очень красив в своей натуральности.

Конечно, ей всегда было приятно его внимание и ухаживания, но он оставался далёким и неопознанным объектом в её вселенной. С детства приученная к вдумчивому отношению к жизни и ответственности за свои поступки, она не могла до этого события впустить его в свой круг. Но тут девичье сердце дрогнуло. Он за один день стал понятен и близок. И когда через несколько дней Ахмед, уже не веря в успех, всё-таки сделал последнюю попытку поговорить, Анжела сама попросила друзей оставить их.

Вот так и начался их невероятно красивый роман. Год счастья. Совместные поездки в студенческих компаниях на море, в Прибалтику, на Кавказ, в Ленинград. Всё, абсолютно всё радовало его рядом с этой девушкой. И он решил жениться. Ахмед мечтал, как привезет эту фею, да ещё и врача-стоматолога, в Ливан, как они откроют совместную клинику, построят дом, заведут детей.

Зимой он поехал домой обсудить своё решение с родителями и заручиться финансовой поддержкой старшего брата. Расходы на семью всё же другие. Надо серьёзно ко всему подходить. Все с уважением отнеслись к его выбору, тем более, что он рос удивительно разумным с раннего детства. Предложили свадьбу назначить на лето, чтобы родители, приехав на выпускной сына, могли остаться и на торжество бракосочетания, а заодно и познакомиться с семьёй невесты. А потом, когда Анжела доучится и приедет в Ливан, они сделают настоящую ливанскую свадьбу для всей их большой семьи. Мама купила кольца для помолвки и благословила сына. Отец сказал, что уверен в его выборе.

Вернувшись, он решил отправиться к ней домой познакомиться с родителями и сразу сделать предложение.

«Папу зовут Михаил, это помню. А про маму она как-то не особо рассказывала, да и в гости никогда не звала...»

Но им и так всегда было о чем поговорить, темы никогда не заканчивались и никто не был им нужен, так хорошо было вдвоем. Это и называется найти свою вторую половину, когда круг замыкается.

«Интересно, как она отреагирует на такой сюрприз? С вокзала поеду сразу к ней, только вещи в общежитие заброшу и букет куплю. – думал Ахмед, садясь в такси возле здания аэропорта. – Наверное обрадуется, может даже заплачет от счастья».

Предстояла ещё долгая ночь в поезде Москва – Минск. Разглядывая из тамбура мелькающие огоньки деревень, темноту полей, он в сотый раз прокручивал в голове слова, которые скажет ей и её родителям.

Утром, сойдя на перрон бодрым и воодушевлённым, Ахмед поспешил в общежитие. На ходу стучась в комнаты и раздавая передачи соотечественникам, он с волнением думал о предстоящем. Быстро разгрузил чемодан с мамиными заготовками и вещами, купил роскошный букет и направился к невесте.

Взбежал по лестнице на шестой этаж, не чувствуя усталости. Вот уж действительно на крыльях любви! У двери с нужным ему номером квартиры была табличка «профессор Михаил Яковлевич Коферман» но он не читая нажал кнопку звонка.

«Так, папа Михаил, жаль маму не помню как зовут».

Дверь открыли. В полумраке прихожей перед ним стояла очень полная женщина, однозначно еврейской наружности и внимательно на него смотрела.

– Вам кого, молодой человек?

– Мне Анжелу... – еле выговорил он.

– Пригласить её сюда? Или в дом пройдете?

– Сюда, если можно...

– Анжела, подойди пожалуйста, тут тебя ожидает молодой человек! – позвала женщина, уплывая вглубь квартиры. Он услышал Анжелин голос, что-то невнятно отвечающий.

«Этого не может быть! Нет! Что там было написано на табличке? – он сделал шаг назад. Прочитал. – Только не это!»

Слишком жестоко жизнь поступает с ним. Если бы она была неизлечимо больна, даже психически, судима, да что угодно, это не остановило бы его. Но еврейка! Нет, этого не может быть!

Они всю жизнь прожили на ливано-израильской границе. И слово «еврей» для жителя вечно воюющего региона не имеет отношения к национальности. Оно переводится как «враг». Семья его дяди погибла под обстрелом израильской авиации. Ненависть передавалась уже на генетическом уровне... Нет! Нет! За что?!

И самая любимая женщина тоже «враг»?! Она, ее улыбка, локоны, смелость, невероятные глаза, острый ум тоже «вражеское»?!

И тут его осенило! Он ошибся! Дверь открыла, наверняка, знакомая или домработница. Она же не позвала её «дочь», а по имени... Да! Точно!

«Стыдно-то как! А я в дом отказался входить. Идиот! Паникёр!»

Свет надежды на будущее счастье опять появился на горизонте.

– Ахмед?! – появившись в дверях, она испугалась, потом улыбнулась.

Его волшебная Анжела стояла и с грустью смотрела на него.

– Это должно было произойти рано или поздно. – проговорила она полушёпотом и, снова улыбнувшись через силу, сказала: – Проходи! Раздевайся, разувайся. Ты как раз к обеду.

Она заглянула за соседнюю дверь, где, судя по запахам располагалась кухня.

– Поставь, пожалуйста, ещё на одного человека. Это мой однокурсник зашел, я пригласила его пообедать с нами.

«Однокурсник? Не может быть! Она им про меня ничего не говорила? Мы год вместе, а она ни разу не произнесла моё имя дома?»

Из кухни показалась всё та же тучная женщина, в мягком кардигане и старомодных очках на цепочке.

– Проходите, молодой человек. Мойте руки там в ванной. Анжела, предложи молодому человеку свежее полотенце. Проходите. Анжела, папу позови из кабинета.

Ну, вот и всё.

Это мама...

Так не бывает.

«Ну, хорошо, я расстроен, но почему расстроена и растеряна она? Мне кажется, даже стесняется меня! – он чувствовал, как обида и разочарование, обрушившись лавиной на его сердце, мешали ему биться. – Да, вот это поворот событий! Ну что ж, посмотрим папу!»

Ахмед, вытерев руки, отправился на кухню. Анжела ждала его в дверях, а папа, по-видимому, был уже за столом.

Квартира, кстати, шикарная! В «сталинском» доме! Вон кухня, как его комната в общежитии на трех человек.

Да, и папа тут!

Напротив двери во главе стола сидел пожилой красивый мужчина, курчавые седые волосы, большой нос и ... Анжелины глаза, только смотрят тяжело и изучающе.

«Непростой мужик и умён, сразу видно! – оценил гость. – Хотя, какая мне теперь разница! Да и мужик, это русское слово, а не для этих...»

– Проходите, молодой человек, не стесняйтесь. – спокойно произнёс глава семьи. – Ты нас не представишь, Анжела?

Самым большим желанием Ахмеда сейчас было уйти, даже убежать. Выскочить на улицу и треснуться обо что-нибудь головой так, чтобы из памяти стёрлись последние три часа, и он помнил только как вышел из аэропорта. Чтобы добрести домой, позвонить Анжеле и назначить ей свидание. Как раньше, до того... До того.

Она простит любой его поступок, простит. Для женщин приоритет – выйти замуж. Ему об этом рассказывала мама. Это мужчины – воины, защитники, политики! У них есть принципы, они сильные!

Ему придется с ней расстаться. Это будет тяжело, но правильно. Но почему она так странно ведёт себя?

– Да, папа, конечно. Это Ахмед. – она запнулась, как бы решая, что сказать дальше. На Ахмеда она не смотрела совсем, да и на папу тоже, а как будто искала глазами убежище, где можно скрыться ото всех.

– И?..

– Это мой однокурсник. – выпалила она и подняла взгляд на Ахмеда.

– Очень приятно! – не отрывая взгляда, сказал отец. Взгляд его, правда, подобрел. Наверное, вздохнул с облегчением, что не армянин с базара.

«Подожди, ещё узнаешь, откуда я, вот тогда бы мне твоё лицо сфотографировать... на память. Однокурсник! Замечательно! Просто однокурсник! Очень хорошо!»

Анжела выдержала злой и быстрый взгляд его чёрных глаз и продолжала, уже иронично улыбаясь:

– А это мой папа, профессор Михаил Яковлевич Коферман, хирург-офтальмолог, преподает в нашем университете у лечебного факультета. И моя тетушка Циля.

– Да. – ответил гость, соглашаясь, наверное, что это и вправду так. Он чувствовал, что с ним сейчас случится истерика, как с той самой слабой женщиной, которая только и думает, что о замужестве.

«Надо успокоиться! В конце концов – судьба».

Ахмед сел на предложенное ему место. Женщина раскладывала ароматную поджарку с разваристой картошкой. На столе в салатнице зелёный салат. Стол красиво сервирован для простого семейного обеда. Ну и семейка!

Он вспомнил свой дом. Ужин на расстеленном ковре, покрытом клеёнкой, на который заботливая мама выставляет все блюда, любимые сыновьями. Сёстры и жёны сыновей всегда сидели на диете, от этого всем было весело. Все располагались на полу, скрестив по-турецки ноги, вокруг дети. Мужчины причмокивают, нахваливая еду, и дразнят женщин, те, в свою очередь, делают вид, что равнодушны к еде и им осталось чуть-чуть, чтобы достигнуть форм Мэрилин Монро. Всё в этой игре всем нравится. Правда, братья недоумевают, как их жёнам и сёстрам удаётся сдерживать себя в этом изобилии яств и ароматов? Мама – знатная кулинарка! Они не знают, что мама ещё и знатная умница, которая накормила своих невесток перед ужином, пусть потом поиграют с сыновьями сытые и счастливые. А если жёны счастливы, так и в семьях щебет и веселье! И какая разница, какая у кого фигура.

А вот дочек мудрая мама не кормила, нечего разъедаться девкам. Девушка должна быть тонкая и нежная, а женщина сладкая и сочная. И всё просто, незатейливо. Еда берётся кусочком лаваша, который впитывает и усиливает вкус, а не холодной сталью.

Всё теплее, роднее, натуральнее.

– А вы, молодой человек, – начала разговор тётя Циля, возвращая его в реальность, – откуда приехали?

– Я ливанец.

Тётя пристально посмотрела на него, отец тоже оторвался от ужина и встревоженно, но заинтересованно прислушался.

– Очень интересно! – продолжила тётя. – И вы там постоянно живёте? Вся ваша семья там? Вы кушайте, кушайте.

– Да, мы живём и жили там всегда! И, надеюсь, будем жить! – с вызовом ответил он.

– Вам нравится поджарка?

– Что? А, да. Спасибо.

– А с Анжелой вы однокурсники? Учитесь вместе? – спросила она больше у Анжелы, глядя уже на неё.

– Да. – быстро сказала Анжела.

– Нет! – сразу опроверг взбесившийся Ахмед. – Нет!

– Ахмед!

– НЕТ!

– Нет, в смысле вы дружите? – не отступала неугомонная тётя Циля.

Он вдруг вспомнил ночи в Крыму, её жаркие поцелуи, их ночи у костра на берегу моря. Её боязливые признания. Да, боязливые. Он любил нараспашку, а она была всегда лишь приоткрыта. Кроме тех моментов, когда прижималась к нему сквозь сон, когда шептала в минуты близости и нежности «мой родной». Неужели год отношений был годом обмана и притворства? Он так ей верил! Как дурак!

А теперь она стесняется представить его своим любимым, пусть не женихом?

Да о его любви к ней знают все его друзья, его мама, папа, братья! Он думал, что она ждёт, что стоит ему решиться и исполнятся её сокровенные мечты! Что она и её семья только и ждут, когда же он сделает предложение! Но нет, о нём тут никто не знает и не слышал!

Коварная женщина, лгунья!

«Ну что ж, ты меня плохо знаешь! Уже конечно понятно, что я не смогу быть с тобой, но это унижение я так не оставлю. Возвращаю должок!» – в бешенстве подумал он.

– Я правда очень удивлён, что Анжела вам не рассказывала про меня, учитывая наши очень близкие отношения в течение последнего года. Почему, милая? – он обернулся к ней, сама учтивость.

Она побледнела от неожиданности, отвела глаза и промолчала.

– Ну что же ты молчишь, дорогая? Я, если честно, пришел было с предложением руки и сердца, а обо мне тут никто не слышал. Я очень удивлён, Анжела! – да, это была его месть. Доигралась, девочка моя! Пролетела с замужеством!

– Это совершенно лишнее, Ахмед. Не стоит предложений. – спокойно и с достоинством ответила Анжела. – Тетя Циля, папа, познакомьтесь ещё раз. Это причина моих бессонных ночей и моя обречённая любовь. – сказала и убежала в спальню в слезах.

Ахмед уронил голову на руки, закрыл глаза. Отомстил!

Михаил Яковлевич перестал есть и, оперев голову на руку, с печалью наблюдал эту сцену.

– Я ... Простите!

Нежданный гость вскочил, схватил пальто с вешалки и выбежал в подъезд. Сватовство провалилось, отношения разрушились.

Анжела две недели не ходила в институт, дома трубку брала Циля, которая любезно отвечала, что она нездорова и подойти не может. Ахмед отчаянно скучал, приезжал к ней домой, там не открывали. Много времени спустя он узнал, что в этот период она лежала в больнице в отделении неврозов. Через две недели она появилась на занятиях, скорее похожая на тень себя прежней. Ахмед пытался поговорить с ней во время перемен, обеда, но она как будто специально старалась быть среди однокурсников, боясь остаться с ним наедине. После института он ожидал возле выхода, но папа забирал её за пятнадцать минут до окончания занятий.

Он долго думал, как всё устроить, как найти выход, чтобы наконец всё выяснить, разобраться с тем, что произошло. Чтобы не потерять её! Конечно, она обиделась на его дурацкую выходку, поэтому и избегает. Надо ей всё объяснить! Они всегда понимали друг друга с полуслова!

Да, он ошибся, кровь вскипела! Но он одумался, он пересмотрел всё! Конечно, национальность не выбирают и не её вина, что она родилась в этой семье. Да и люди они приятные и интеллигентные, а он их обидел. Но ничего, он объяснит им всё, они поймут! Только был бы шанс! В конце концов, это территориальная война двух стран, а она из СССР. Да и фамилия у неё мамина – Евстигнеева. Чисто русская фамилия. Осталось доучиться три месяца и он получит диплом. А там можно расписаться по-семейному и отдельно для друзей сделать студенческую свадьбу. Чтобы никто и не увидел тётю Цилю и папу профессора. А потом сразу в Ливан.

«Я всё равно никого уже так не полюблю и не буду счастлив, даже если со временем женюсь на другой. И мне уже всё равно, еврейка она или нет! И вообще, у евреев национальность передается по матери. А мама её покойная была белорусской. Значит, не считается» – убеждал он себя.

Он не мог сознательно обречь себя на страдания от разлуки с ней. Их жизнь должна была быть прожита так, как он её представлял. Должны родиться их дети; откроется клиника. И на новый 1973 год она прилетит к нему и они будут встречать его своей семьёй в квартире, заботливо приготовленной папой своему сыну врачу. Первому врачу в их большой семье, его гордости. Всё это должно сбыться! Он уже видел их жизнь до мельчайших деталей! Он не откажется!

Ахмед оделся, сдал вахтёрше ключи от комнаты в общежитии и решительно направился к Анжеле домой.

На автобусной остановке было полно народа. Мороз. Транспорт редко ходит. Такси из общежития он вызвать не додумался, слишком спешил. Придется ловить на дороге, или всё-таки дожидаться автобуса.

«Надо позвонить Анжеле, хватит с них сюрпризов». Он нащупал в кармане двухкопеечную монету, зашёл в заледеневшую телефонную будку. Ну и морозы в этом году! Только в СССР жизнь продолжается в такую погоду с прежней интенсивностью. У него на родине закрываются школы, дороги пустеют – вся жизнь замирает с первым снегом.

В трубке раздались гудки. Только бы Анжела сама подошла!

– Да, слушаю! – раздался её голос.

– Анжела! Здравствуй, это я.

– Да, Ахмед. – её голос дрогнул, она не ожидала его услышать.

– Нам надо поговорить! Я еду к тебе!

– Подожди, как ко мне? – с испугом ответила она, должно быть, вспомнив его предыдущий визит.

– Ты не рада? Не хочешь?

– Давай лучше не дома, давай в кафетерии у гастронома. Я буду тебя ждать. Через сколько?

– Ну, полчаса, наверное.

«Странно. Она странная. Как подменили. Не рада мне. Наверное, просто решила, что я брошу её и ждет разговора об этом. Нет, ты сейчас увидишь, я другой!»

Подошел автобус. Вся толпа на остановке переместилась к бордюру и, как только двери открылись, бросилась на штурм. Даже Наполеон проиграл войну русским, куда уж Ахмеду победить замёрзших штурмовиков! Он так и остался на остановке, провожая взглядом красные огоньки на осевшем автобусе. Следующий будет нескоро.

На дороге появились шахматные огоньки желтой «волги».

– Такси! – крикнул он громко, чтобы перекрыть остальных желающих, но таких не оказалось. Ахмед сел в остановившуюся машину под ненавидящие взгляды людей, оставшихся на морозе.

Ну, уж простите!

Подъезжая к гастроному, он увидел её издали через большое окно кафетерия. Мечта, его девушка – мечта! Статная, красивая! Всё будет хорошо!

Машина остановилась, Ахмед расплатился и бегом направился к ней. Входя и впуская за собой морозный воздух, он окликнул её с порога.

– Анжела! – она обернулась и пошла к нему.

– Привет, пойдём прогуляемся. – Анжела сразу взяла его под руку и направила обратно к выходу.

– Зачем? Там очень холодно! Лучше тут посидим.

– Нет, пошли. Есть разговоры, не терпящие свидетелей.

Как-то всё странно и глупо.

Они пошли по снегу и морозу. Вдоль улиц и домов с теплыми огоньками за запотевшими стёклами. Как там, наверное, хорошо, тепло и вкусно пахнет! Люди с сумками, полными продуктов, спешат домой после работы. Остановки пустеют. Они прошли мимо парикмахерской, киоска «Союзпечать». На таком морозе не то что говорить, дышать было тяжело.

– Анжела, куда мы идём? Я замёрз.

– Пошли в подъезд.

Они зашли в большую парадную ближайшего старого дома и уселись на широкий подоконник над батареей.

– Я хотел поговорить с тобой о нас. Попросить прощения.

– Я простила тебя давно, я же понимаю, как всё сложно. Мне очень жаль, что нам не судьба быть вместе.

– Нет, всё можно решить! Мы не должны потерять друг друга. Всё можно устроить, я даже знаю как! Просто никто из моих друзей и родных не должен знать, что твой папа еврей. Мне самому неважно! – она быстро взглянула на него, переполненного решимости.

– Так ли уж неважно?

– Да, мне неважно! Я никогда не найду женщину, которую буду так любить. Я не могу потерять своё счастье!

– То есть, мне надо просто отказаться от моего папы и мы будем счастливы? Да?

– Ну, наверное... – он растерялся от такой точной и жестокой формулировки всей его задумки. – Примерно так...

– И желательно стереть его из памяти, выбросить фотографии и не рассказывать о нем будущим детям, да?! Всего-то!

– Анжела, ты чего? Я не хотел тебя обидеть, но у меня нет другого выхода.

– Ахмед, мы не можем быть вместе, я не смогу выйти за тебя замуж, бросить всё, уехать. Моя семья пережила слишком много горя, начиная с ареста дедушки. Папа прошел войну, концлагерь. Почти вся его семья погибла, остались он и тетя Циля. Его ущемляли в работе, потому что он еврей. А он герой войны и дважды был ранен. Потом мама умерла от онкологии, но он не женился больше, а посвятил мне всю жизнь. Как я могу от него отказаться?! Ты понимаешь, что если я уеду из Союза, то это навсегда?! Меня могут лишить гражданства, без права въезда, а его – любимой работы. Я никогда не предаю его!

– А я?

Она молчала.

– Я как? Побыла со мной, разбила моё сердце и всё?

Молчала.

– Ты же с самого начала понимала, что всё так кончится, что нет надежды? – слезы отчаяния и бессилия предательски выступили на его глазах. – Почему сразу не сказала мне? Как ты могла?

– Ахмед, – голос её дрожал – я никогда не встречу и не полюблю кого-либо так же сильно, как тебя. Я умру, наверное, когда ты уедешь. Меня вызывали в деканат, грозились исключить из комсомола за связь с иностранцем. Меня это не остановило. На меня косо смотрят однокурсники и называют... нехорошо называют. Папе на днях сделали выговор с предупреждением за недостойное поведение дочери. Все это меня бы не остановило и мне от тебя ничего не надо, только ты сам и твоя любовь. Просто видеть тебя... – она заплакала навзрыд. – Но я не смогу так жить! Я хочу рассказывать своим детям об их дедушке, ведь им можно гордиться, у него можно учиться! И я не то чтобы долг хочу отдать, я люблю его и не смогу расстаться с ним навсегда в его старости. Я не смогу бросить Цилю, которая растила меня как мать и знает каждый волосок на моей голове. Ты понимаешь?

– Да! – он прижал её к себе и крепко обнял. – Да.

Он не имеет права требовать от неё больше, чем может сделать сам.

Ахмед вспомнил своего отца, угрюмого и немногословного, который не спал ночь от волнения перед каждым его приездом, носил старые потёртые ботинки, но отстраивал квартиру своему дорогому молодому доктору. Он называл его доктором уже тогда, когда он поступил на подготовительный факультет. Маму, которая к каждому его приезду намывала дом и наготавливала еды, как на свадьбу из двадцати человек. Готовила ему постель и раскладывала на ней его пижаму за месяц до срока, как будто это могло приблизить встречу. Обнимая сына, она вдыхала его запах и пыталась надышаться им впрок. И он знал, что она сделает всё возможное для своего мальчика. Его братьев и сестёр, которые так гордились им и чувствовали в нём свою защиту и опору. Они надевали лучшие одежды и вели деток в парикмахерскую, чтобы те красивыми встретили дядю доктора. Как он мог бы их всех оставить? Как жить потом без них всех? Перестать быть колодцем, из которого видны звёзды, и стать лужей того же диаметра? Лишить своих детей возможности стать бабушкиными и дедушкиными любимцами, когда сам знаешь, какое это счастье? Он тоже не предаст свою семью. Он понимал её.

Они стояли прижавшись друг к другу, не стесняясь слёз.

– Скажи мне, Ахмед, когда у тебя родится первый сын, как ты его назовёшь?

– Зачем теперь этот вопрос...

– Мне важно.

– Имад. – ответил он и подумал: «Если родится». Он не представлял себе детей от другой женщины.

– Поехали к тебе.

Они вышли во двор, словили такси и уехали, решив прожить за оставшиеся три месяца их совместную жизнь, которой не суждено было сбыться.

Это были лучшие дни! Не просто наполненные, а переполненные чувствами, болью, любовью, радостью. Они были очень аккуратны, старались не попадаться на глаза вместе даже перед однокурсниками, боясь любых проблем, которые могут украсть у них день, месяц, неделю. Встречались вне здания института, не бывали в популярных для студентов местах. Ахмед снял квартиру в другом районе, так как все посетители общежития для иностранцев были под строгим контролем.

Ко времени заключительного госэкзамена была определена дата его отъезда. Родители не смогли приехать и решили устроить сыну праздник по приезду на родину. В отличие от других студентов, Ахмед практически не думал о результатах. Они горевали о предстоящей разлуке, еле сдерживая боль в себе. Иногда ему казалось, что легче было расстаться тогда, чем переживать сейчас агонию их обречённой любви. Анжела стала молчаливой, очень похудела. Да и Ахмед не знал, что говорить, всё было уже сказано. Так и бродили часами по городу, как две тени.

Он мечтал, чтобы какие-то силы извне помешали его отъезду. Пусть обстоятельства решили бы всё, а не он. Совесть не позволит ему не вернуться, как потом жить? Да и счастья никогда не будет, если человек начинает жить не по совести.

Но обстоятельства не спешили помочь. Экзамен он сдал успешно. Несколько дней ушло на подготовку документов. И настал день прощания.

Анжела поехала провожать его в Москву: международные рейсы были только из столицы. Отстояли очередь, подошёл руководитель группы, собрал их паспорта для оформления. Дальше надо идти одному, провожающих не пускают.

Он прижал её к себе и, обнимая, шептал:

– Не могу! Я не переживу, Анжела. Я умру от тоски по тебе...

– Послушай меня внимательно! – она вытерла слезы. – Внимательно.

Руководитель группы торопил его проходить таможенный досмотр.

– У тебя будет сын, и я назову его Имад.

– Анжела, ты... Давно?

– Три месяца. Это точно будет мальчик. Послушай, я рада, что часть тебя останется со мной. Ты должен ехать. Живи своей жизнью, будь счастлив и знай, что у тебя есть сын.

Толпа протолкнула его в узкий таможенный коридор. Он видел её еще какое-то время, оборачиваясь и приглядываясь через головы идущих следом. Потом она исчезла, а он, плохо понимая, что происходит, как в тумане прошел все необходимые проверки и зашёл в салон самолёта. Сразу появилось ощущение, что, переступив порог, он попал на родину. Громкая арабская речь, песни – радость лилась через край у возвращающихся домой студентов. Ахмед был не то чтобы расстроен, он терял рассудок. Его сердце билось еле слышно, мозг, больше не выдерживая перегрузок, не связывал происходящее вокруг воедино, а в голове крутились разрозненные странные мысли. Его жизнь, как калейдоскоп, представлялась то начинающейся с чистого листа, то законченной. Общежитие на улице Семашко, маленькая уютная квартира в соседнем районе, большая профессорская квартира, живописная тётя Циля, кафедра стоматологии, Михаил Яковлевич Коферман, Анжела... Анжела... Сын...

«Сын!»

«Мой сын!»

Он закрыл глаза, чтобы выглядеть спящим и избежать общения. В висках пульсировало «сын, сын, сын...» Подошла стюардесса, поинтересовалась, как он себя чувствует. Ахмед

попросил стакан воды, но проницательная девушка накапала ему в маленький стаканчик каких-то капель, после которых Ахмед почувствовал облегчение. Дышать стало легче, как после ослабления туго затянутого галстука. И незаметно он уснул болезненным и тяжелым сном без сновидений.

Самолёт приземлился в аэропорту Бейрута и страница перевернулась. Всё-таки ей будет тяжелее, жить там же, где жила вместе с ним, ходить по тем же улицам, общаться с теми же людьми.

С трапа самолёта в летнюю жару Бейрута он спустился уже спокойным. То ли лекарство, то ли море и родные пейзажи так исцеляюще подействовали на его психику. Шумная арабская речь радовала слух. Он отвык от этих эмоций, льющихся через край, как весёлый, полный жизни ручей по разнорельефной почве: то загадочно журча по равнине, то грохоча по каменистому склону, то шумно падая с обрыва. В Минске он не слышал такой яркой речи. Там даже шутили, что если в автобусе очень громко разговаривают, значит в нем едут арабские студенты.

Когда Ахмед начинал учиться, он пугался этой сдержанности и спокойствия белорусского народа. Ему казалось, что в утренний рацион любого местного жителя наряду с посещением туалета и чисткой зубов входит приём сильнодействующего успокоительного. Ну как можно совершить ДТП и, тихо обсуждая, искать выход? Или влезть в переполненный автобус и не сказать успешно запрыгнувшему конкуренту пару ласковых слов на дорогу? А они могли!

Нет, у ливанцев всё от души!

Единственный раз, когда он почувствовал схожий темперамент и интерес к людям, был на экскурсии в Одессе. Они отстали от группы и искали дорогу к оперному театру. Навстречу шла пожилая, не очень ухоженная дама с продуктовыми сумками, одним словом, местная, ведь туристы обычно очень старались выглядеть достойно.

– Вы не подскажете, как пройти к оперному театру?

– А вы откуда приехали?

– Мы из Минска, отстали от группы.

– И вы, юноша, из Минска? – заподозрила дама неладное, глядя на чернявого паренька с ярко выраженным акцентом.

– Я ливанец, но учусь в Минске. Вы покажете куда идти, а то мы потеряемся совсем?

– Да, да, сейчас, конечно. – она было повернулась показывать, но вернулась и с хитринкой в глазах спросила: – А на кого вы сказали, учитесь?

– Бабушка, мы учимся на врачей, вы нам дорогу покажете?

– Ой, на врача – это хорошо, врач всегда сытый будет при любом режиме. А как в Минске с зарплатами и продуктами?

– Мы, бабуля, пойдём, пожалуй.

– Идите-идите, я что-то запамятовала дорогу. Вон, у продавца пломбира спросите.

Они подошли к продавцу пломбира:

– Вы не подскажете, как пройти к оперному театру?

– А вы откуда приехали?

О нет! И они бегом отправились наобум искать дорогу.

Белорусы были совершенно другие. Ему казалось, что если бы к минчанину подошел голубоглазый негр в лаптях и с парашютом и спросил дорогу в оперный театр, тот бы ему просто указал рукой направление и ушёл не обернувшись. Потом, со временем, он почувствовал всю полноту и красоту славянской души. И почувствовал разницу. Это как ударные инструменты и скрипка. И те и другие равноценные инструменты оркестра, и на обоих можно воспроизвести мелодию. Но звучание одного взрывает кровь, а второго – успокаивает и раскрывает сердце. Наверное, похандрить и порассуждать о высоком он предпочёл бы с белорусом. А вот на свадьбу только с ливанцем! Один танец «дабки» чего стоит. Это страсть, сжатая в кулак,

глаз не оторвать! И на разборки пошел бы с ливанцем. Чего идти с белорусом? Он как любой европейский человек настроен на результат. С ним, скорее всего, быстро найдёшь красиво аргументированный компромисс, и даже вспомнить нечего будет. А вот восточному человеку важен процесс, чтобы потом было о чём поговорить.

В здании аэропорта его встречали человек пятнадцать. Папа не мог сдерживать слёз радости от переполнявшей его гордости, поэтому притворялся простывшим и всё время сморкался, заодно вытирая глаза. Мама плакала не скрывая, трогала своего мальчика, разглядывала, любовалась. Кто может быть для матери красивее детей? Она помолодела от счастья лет на десять. Старшие братья, приосанившись и приодевшись в лучшие свои костюмы, старались соответствовать такому образованному родственнику, пытаясь напустить на себя важный вид. Их причёсанные дети стояли, как караульные возле Кремля, в костюмах, похожих на папины, а замыкали строй очень нарядные жёны с дочками на руках. Получалось весело. Младший, замерев, не отрывая взгляда, ловил каждое слово, каждый жест подзабытого за время его взросления брата. Сестра Лейла, недавно вышедшая замуж и располневшая от беременности, гордо стояла под руку с мужем адвокатом, увёзшим её в красивый дом древнего города Триполи на другом конце Ливана. Был ещё сосед с автобусом, на котором все приехали и у которого дочь – красавица на выданье. Он был счастлив первым оказать услугу доктору. Кто знает, может, породнятся, хорошее ведь всегда в памяти откладывается. Приехал мухтар – главный в городе человек. Дедушка, который периодически забывал, куда и зачем его привезли, но это самый важный человек в семье и все ему терпеливо напоминали. Особенно трогательна была младшая сестра, которой было десять лет. Для неё он был идеальный мужчина, самый умный, добрый. Она ничего не спрашивала, просто смотрела на него во все глаза, затаив дыхание. И когда, заметив её восхищенный взгляд, он подхватил её на руки, то, не способная сдержать нахлынувшей радости, она уткнулась от смущения ему в плечо и обхватила тоненькими ручками за шею. Он слышал, как колотится её взволнованное сердечко.

И как? Скажите на милость, как он бы мог не вернуться? Прости, Анжела, это кровь моя, душа моя, в каждом из этих людей от старого дедушки до моей милой птички-сестрички. Возможно, я буду единственным мужчиной в её жизни, на которого она сможет рассчитывать. И что же, отвернуться от своих обязательств, поставив во главу угла «хочу»? Нет! Мужчина должен быть в первую очередь ответственен за свою семью. За ту, в которой родился и за жену, которая войдёт в семью. Он не имеет права разделять, разрывать её. Семья – это колодец с глубиной, из которого звезды днём видны.

Жизнь на родине потекла стремительно. Каждый день возникали новые проблемы и дела, требующие неотложных решений. Хождение по различным инстанциям, очереди, ожидание. В течение нескольких недель он занимался оформлением документов, затем началась подготовка к сдаче экзамена для подтверждения диплома, обязательного для всех выпускников, получивших высшее медицинское образование в другом государстве. После обеда дома встречали бесконечных посетителей, приходивших поприветствовать его. Параллельно он взял в аренду две комнаты в здании, где располагались кабинеты немногочисленных в то время докторов, красиво оформил их, закупил в кредит оборудование и постепенно готовился к работе. Дни были загружены до предела, поэтому времени для тоски и воспоминаний почти не оставалось. С первыми пациентами появилась и пьянящая радость опыта самостоятельной практики. Сложные случаи заставляли постоянно совершенствоваться, обновляя и пополняя знания.

В течение полугода он добился больших успехов. И кредиты были уже почти выплачены, и в расписании не было свободного времени, пациентам приходилось записываться заранее. А его мысли всё чаще были заняты Анжелой. Наступило время, когда на свет должен был появиться его сын! Он пробовал звонить ей на домашний, но телефон был отключен. Хотел было попросить кого-то из отъезжающих студентов подойти к ней домой и разузнать всё, но

боялся, что о его растущем на чужбине сыне станет известно всем, в том числе и его родителям. Он корил себя за малодушие и признавал разумность своего поступка. Изменить что-либо практически невозможно. Она отказалась ехать с ним. Поехать к ней было очень сложно. Тогда на учёбу ему выделили направление и деньги от коммунистической партии Ливана, а так просто получить визу в СССР практически невозможно. Он послал ей пару писем, но ответа не было. Наверное, не доходят или не пропускают. Или может она адрес сменила? Какой смысл гадать!

И всё же интересно, какой он, его мальчик? Родился ли? Здоров? И суждено ли им когда-нибудь увидеться? С одной стороны, он был рад, что его любимая женщина никогда его не забудет, что его продолжение всегда будет рядом с ней. С другой – он до боли хотел увидеть сына. Ахмед чувствовал, что он уже есть. Его Имад уже родился! Он пытался совмещать в уме черты своего и Анжелиного лица, чтобы спроектировать возможный облик малыша. И каждый раз, вспоминая черты её лица, он начинал безумно тосковать по ней. Это стало его наваждением, его личным безумием. Чтобы не увязнуть в этой тоске, Ахмед стал искать какое-то новое дело, которое не оставило бы ни одной свободной минуты на душевные терзания, и решился на открытие нового стоматологического центра. Причём начать с нуля, с самого фундамента. Единственное, что у него было на тот момент, это участок земли в приличном месте и отсутствие долгов. Он с головой кинулся в это непростое предприятие – искал компаньонов, получал разрешение на постройку, отбирал проект. Причём ни на один день его работа в стоматологическом кабинете не останавливалась. Вечерами, прежде чем рабочие покидали площадку, он осматривал каждый сантиметр постройки, сверял с проектом, ругал за малейшую неточность. Он был и инженером, и прорабом, и закупщиком, поэтому, возвращаясь домой зачастую ближе к полуночи, просто валялся с ног. Родители, которые всегда с радостью воспринимали его активность, на этот раз были всерьёз обеспокоены и пытались умерить его деятельность, но он сопротивлялся, чувствуя, что только так может сейчас выжить.

Двое ребят из его города учились в этот период в Минске. Когда летом, сдав сессию, они приезжали на каникулы домой, Ахмед не мог удержаться, чтобы не навестить их. Он смотрел фотографии, слушал про учёбу, про студенческие курьёзы. Он сам не знал, чего ожидал от этих бесед, но расспрашивал их обо всех мелочах. Ходит ли автобус номер пятьдесят семь тем же маршрутом, по сколько человек расселяют в комнаты? Узнать в итоге удавалось только одно: Минск стоит на том же месте, почти не изменился, и ребятам там было очень здорово. Этот тур в ностальгию повторялся каждый год. Через три года он узнал от одного из них, проходящего специализацию по офтальмологии, что у профессора Кофермана случился инсульт. Он лежит дома и неизвестно, сможет ли восстановиться. Ахмеду стало стыдно за мысль, промелькнувшую у него в голове: «Может тогда Анжела станет свободной? Но ведь ещё есть тётя Цили! И профессора наверняка поднимут на ноги, при его-то заслугах». Он ужаснулся своим мыслям. Нет, пора её забывать, тем более что он уже долгое время ничего про неё не знал. Возможно, она уже давно замужем и счастлива. Скорее всего, это так. И с чего он взял, что она тогда сказала правду? Разве нормальная женщина, идя на такой шаг – родить от любимого мужчины, не найдет возможности потом сообщить ему об этом? Он и номер телефона оставлял. Нет, хватит быть мямлей, надо забывать её и строить свою жизнь.

Вот и к нему самому всё невесты похаживают. Правда, если говорить честно, то зазывает их неугомонная мама, как бы ненавязчиво, на чашечку кофе. Мама, бедная мама, если бы ты знала, как сложно полюбить женщину, имеющую словарный запас из ста слов, причем из них двадцать про кулинарию, ещё двадцать про покупки, ну и остальные, по несколько из каждой области. Или охающее нежнейшее создание, совсем беспомощное, неопытное и требующее постоянной защиты. Ну вот что с ними потом делать? Особенно после Анжелы, чья смелость, верность и стойкость вызывали всегда огромное уважение у Ахмеда, а уж про эрудицию и воспитание говорить нечего.

«Наверное, всё-таки замуж вышла. – с тоской опять подумал он. – Тогда ведь весь курс добивался её!»

Если бы Анжела слышала его сейчас, она бы умерла со смеху! Такая же однолюбка, как и её отец, тяжело пережив расставание, она после рождения сына полностью погрузилась в его воспитание. Младенец занял все её мысли, её сердце и разум. Сидя в декрете, она измучила всех режимом дня Имада, его правильным питанием, закаливанием и массажем. Проутюжено с двух сторон было всё, кроме пустышки и самого малыша. Профессорский кабинет, как, впрочем, и все остальные комнаты, украшали гирлянды перестиранных марлевых подгузников.

Стойкий оловянный солдатик Циля приходила в ужас от вида квартиры брата-профессора и, обижаясь, периодически порывалась уйти из этой «китайской прачечной» в свою комнату в коммуналке. Но эти капризы были недолгими, так как она сама души не чаяла в своём внучатом племяннике.

В разговорах Анжелы с малышом всё время фигурировал Ахмед: «нос как у папы, упрямый как папа, вот папа приедет и ...». На комодке непременно стояли фотографии её и Ахмеда, и маленький Имад, тыкая пальчиком в чернявого юношу, говорил «папа» к восторгу мамы и огорчению Циля, потому что с её именем ненаглядный внучок никак не справлялся.

Болезнь Михаила Яковлевича стала очередным тяжёлым испытанием для этой семьи, привыкшей за свою историю к тому, что сладкая беспроblemная жизнь – это не их сценарий. Циля перестала ворчать, мобилизовалась и как старый надёжный конь впряглась в работу. Она мыла, кормила, ворочала своего любимого брата. Звонила на кафедру, осведомлялась о новостях и рассказывала ему всё в подробностях. Анжела устроила трёхлетнего Имада в детский сад и начала работать на двух работах, чтобы позволить нанять массажистку для папы, купить по благу самые эффективные и дорогостоящие препараты, устроить курс реабилитации в санатории. И ей было чем гордиться, прогнозы врачей не оправдались. Никто не мог подумать, что пожилой профессор так восстановится после тяжелейшего инсульта. Отец за два с половиной года поправился настолько, что мог самостоятельно себя обслуживать. Со своей любимой работой ему пришлось попрощаться. Он был слаб, быстро уставал и говорил медленно и нараспев, убаюкивая слушающих. Как человек скромный, Михаил Яковлевич первое время очень страдал от своей беспомощности и теперь радовался самостоятельности, как величайшему подарку.

Так, в трудах и заботах проходили их дни, иногда омрачённые проблемами, иногда освещённые маленькими победами.

Анжела заранее занялась подготовкой своего мальчика к школе, да и дедушка уделял все свое время обучению внука, который частенько засыпал под его распевный голос. В первый класс Имад пошел, умея читать, писать и считать как второклассник-хорошист. Циля выгавливала внуку завтрак из трёх блюд, прибегала в школу на большой перемене проверить, всё ли хорошо у малыша и спешила домой заниматься обедом. Она обожала своего «Имушку». Да и он, надо отдать ему должное, любил своих дедушку и бабушку беззаветно. А про маму уж и говорить нечего! Какой-то необыкновенный был у него характер – миролюбивый, тёплый, лёгкий и радостный. Он никогда не заискивал, не льстил и не обижал никого, хотя за дело мог и заехать обидчику по уху. Дети в школе, наверное, тоже чувствовали это и как-то подсознательно тянулись к нему. С ним было безопасно. Анжеле, работающей от рассвета и до глубокого вечера уже несколько лет, оставались только выходные дни для тесного общения с сыном. И в эти дни ей не хотелось ни на минуту покидать свой дом со всеми, обожаемыми ею жильцами, которые прекрасно дополняли друг друга. Слегка саркастический юмор Циля, её наблюдательность, цепкий ум и папина способность внимательно слушать и анализировать объединяли их вечерами за чашкой чая с пирогом. Беседы бывали долгими и Анжела, уложив Имада, часто к ним присоединялась, если не засыпала вместе с ним, а то и перед ним. В таких

случаях тихонько выползал из постели Имад и присоединялся к чаёвникам вместо мамы. Его бабушка с дедушкой, конечно, хотели казаться добрее, чем мама и укладывали его на диван, под плед с головой на коленках у того, чья сегодня очередь. Разговоры были слишком взрослыми, слова непонятными и вскоре он окунался в облако сладкого сна.

Наверное, если бы не эта бесконечная усталость, Анжела бы замечала, как провожают её взглядом мужчины, как стараются угодить ей, обратить на себя её внимание. Совершенно не изменившаяся после родов телом, она очень изменилась лицом. Будто талантливый скульптор чуть отчеканил время и события прошедших лет в её мимике, взгляде, редких морщинах. Есть же выражение «лицо без морщин, еще не лицо». Вот и она приобрела своё лицо, гораздо более красивое и одухотворённое, чем у той беззаботной девочки Анжелы. Ведь великий скульптор Время лепит лицо каждому по заслугам. Любовь к Ахмеду не исчезла из её сердца, а наоборот, проросла корнями и стала более зрелой и мудрой. Уже не было необходимо его присутствие рядом для сохранения чувства, но очень бы хотелось узнать о нём, а ещё лучше увидеть. Вспоминает ли он её? Да, наверняка, иногда. И наверняка уже женился.

Стройка центра заняла целых четыре года, потому что в процессе работы отказались от идеи сделать центр стоматологическим. Ахмед решил, что его маленькому городку нужны специалисты всех профилей. Первоначальный проект был изменен, здание увеличили, и получилось, что второй и третий этажи отданы под кабинеты, каждый из которых был с любовью обставлен и оснащён всем необходимым для конкретного узкого специалиста, а первый этаж под бухгалтерию, лабораторию и рентген. Он крутился день и ночь, работал и стоматологом, и администратором, и архитектором. Пришлось стать также неплохим сантехником и медицинским техником. Какие-то идеи черпались от дяди, живущего в Америке и занимающегося строительным бизнесом, что-то рождалось в обсуждении с коллегами, но основным прототипом постройки была советская миниполиклиника.

Когда они открылись, времени стало еще меньше. Ахмед смог уделять стоматологии только несколько часов в день, остальное время посвящал налаживанию работы центра. Ещё через год стало понятно, что не хватает аптеки для удобства пациентов. Начались поиски дипломированного фармацевта, оборудования и поставщиков. Решили проводить вакцинацию тут же, заказали холодильные камеры для хранения вакцин, переоборудовали комнату отдыха в прививочный кабинет. Сделали пристройки с кафетерием и комнатой отдыха снаружи.

К празднованию нового 1980 года центр пришёл с комплектом лучших в регионе специалистов, отличной лабораторией, полноценной аптекой. Одна профессиональная мечта осталась нереализованной у Ахмеда. Он мечтал заниматься протезированием, освоить все хитрости этого дела, открыть собственную лабораторию для изготовления зубных протезов. Но для этого надо было доучиться, а оставлять свой центр на два года не хотелось даже ради расширения дела, ведь всё и так шло неплохо, совсем неплохо. Хорошие заработки, уважение и почёт.

Но тут, совершенно неожиданно, подвернулась уникальная возможность, упустить которую было бы непростительно. На одном из заседаний коммунистической партии Ливана, в которой состоял его старший брат Гасан, объявили, что будут выделены три путёвки на обучение в СССР в 1982 году: две из них для получения высшего образования, и одна для последипломного, иными словами, для прохождения ординатуры по узкой специальности. И несмотря на то, что у него было уже достаточно средств, чтобы пройти ординатуру по ортопедической стоматологии в одной из лучших стоматологических клиник страны, он сразу согласился, понимая, что шанс попасть в Советский Союз больше мог не представиться. Он сможет вернуться, найти Анжелу, где и с кем бы она сейчас ни была! Даже если переехала, даже если вышла замуж! Только так, наверное, он сможет её отпустить, и забыть, и устроить, наконец, свою личную жизнь. Нельзя всю жизнь убегать от проблем и, чтобы не принимать решений личного характера, погружаться в работу, в которой приходится принимать по десятку других

сложнейших решений ежедневно. Он долго не выдержит этой гонки и придётся остановиться. Или жизнь остановит. Ахмеда знали и уважали, как человека, внесшего большой вклад в развитие медицинского обслуживания своего региона, поэтому путевка досталась ему и через год он будет ординатором одной из стоматологических клиник Москвы.

Это известие поселило непроходящее волнение в сердце Ахмеда. Он испугался. Придется столкнуться с тем, что долгое время было заперто в сердце. Может, лучше оставить всё как есть? У него прекрасно получается быть врачом и управленцем, и заработанных денег хватит до конца жизни ему и детям, плюс еще центр постоянно приносит доход. Очень хороший доход. И даже если остановиться и не вкладывать больше в развитие, а оставить все на теперешнем уровне, то можно работать ещё лет десять, не боясь конкурентов. Кроме того, он удачно вложил деньги в недвижимость, купил несколько незаконченных зданий в своём городе и в одном из городков долины Бекаа. Сейчас подходил к концу этап отделки квартир, и скоро можно будет сдавать их за приличную плату. А он, стремясь за мечтой, пытается войти в одну и ту же реку дважды! Ведь известно, что это невозможно! Его возлюбленная и так пережила немало, особенно, если их сын и правда родился. Ему уже девять лет, а к моменту его приезда туда будет десять. Скорее всего, в жизни Анжелы есть мужчина, а возможно они живут вместе и сын считает его своим отцом. И тут появится он, влезет в их жизнь. И с чем? Чтобы потом опять уехать? Второй раз? Это жестоко! И вообще, всё это какое-то ребячество! Надо отказаться от этой путёвки, остаться в Ливане и просто жениться, наконец, на какой-нибудь из милых маминых протезе. Всё равно на какой! Родительский дом он отремонтировал, получилась вилла, просторная и красивая. Из всей многочисленной семьи остались жить в этом доме он, папа с мамой и младшая сестра Надин, которой было уже девятнадцать лет. Она, в отличие от старшей сестры, не торопилась замуж, а поступила учиться в университет на врача-лаборанта.

«... Вот и приведу жену! Пусть хозяйничает, детей растит, за родителями смотрит. Так надо, это правильно! Надо жить самому и дать жить другим. Хотя, жить с занозой в сердце? Сделать несчастной ещё одну женщину? ...

Нет! Нужно поехать, посмотреть, где она, родила ли сына, замужем ли? Если нет, то предложить ещё раз поехать со мной. Может она согласится? А если замужем, тогда с чистой совестью и с чистого листа начну новую жизнь...»

Сердце, столько лет бывшее в заточении у разума, взбунтовалось. Оно требовало освобождения от этой долго терзавшей неопределенности.

В течение года Ахмед поднатаскал младшего брата Хади в административных вопросах, нашёл врача-стоматолога, который заменит его на время, разобрался со всеми банковскими делами и был готов отправляться на учёбу.

Собирая документы, пересматривая фотографии своей молодости, он заботливо складывал их с собой. Да, отражение в зеркале мало чем напоминало того атлетично сложенного, курчавого мальчика. Как большинство южных мужчин, он очень изменился внешне в период с двадцати пяти до тридцати пяти лет и сейчас был полысевшим солидным мужчиной, с небольшим животом. Конечно, хороший вкус в одежде, красивые черты его лица, высокий рост, широкие плечи нравились женщинам. Но между тем пареньком на фотографии и им теперешним пропасть. Да и в душе, конечно, нет того озорства, максимализма и бесстрашной дерзости.

«Узнает ли она меня?»

В Москве его встретил сотрудник клиники, помог пройти оформление всех необходимых документов и проводил в общежитие. Задавал много различных вопросов, но в итоге успокоился и, объяснив, куда и когда являться завтра, оставил его.

Столица, при более близком знакомстве с ней, поразила Ахмеда. Это не город, это мощный живой организм с потоками людей и машин. Он впервые увидел метро, этого подзем-

ного спрута, заглатывающего входящих в него. После уютного и какого-то домашнего Минска Москва была похожа на большой вокзал.

Кафедра приняла его дружелюбно, коллеги с душой помогали освоить необходимые новые навыки. Но за пределами больницы всё было строго. На любой отъезд из Москвы ординатор должен был получить согласие с кафедры. Ахмед знал, что много раз отпустить не смогут, тем более недавно приехавшего ординатора, и ломал голову, как на несколько дней незаметно съездить в Минск в разведку. А там уже, если всё устроится, со временем можно будет отпроситься официально.

С ним работал коллега армянин Георгий Кананян, живший в Москве долгие годы. Они сдружились понемногу, болтая за обедами в ординаторской, а иногда и проводя вечера за ужином, вкушая удивительно вкусные блюда в армянском ресторане. Узнав о непростой истории Ахмеда, он взялся помочь. Пригласил на выходные дни к себе на дачу заведующего кафедрой, где в тесной дружеской обстановке они втроем приятно общались на темы, далёкие от медицины и между делом выпросил четыре дня отгулов авансом для себя и Ахмеда, а уже в понедельник днём на машине повёз его в Минск. Добрались со всеми остановками только ранним утром во вторник. Уставший друг остался спать в машине, а Ахмед отправился по знакомому адресу. Он и не предполагал, что так сентиментален. Старый знакомый двор, деревья стали ещё больше... подъезд не изменился и на двери квартиры всё та же табличка.

Не справившись с волнением, от которого сдавило грудь, он присел на ступеньку, чтобы успокоиться. «Надо было костюм одеть, а то джинсы и байка, как-то несолидно. Нет, костюм бы помялся. Боже, о чём я думаю! Надо взять себя в руки и сделать этот шаг. Осталось только нажать кнопку звонка, бешеное сердце, успокойся! Интересно, кто откроет?»

Он позвонил. Послышался звук шаркающих шагов и в приоткрытую дверь на цепочке просунулась голова сильно постаревшей тётушки Циля с невероятного увеличения очками на переносице, как голова черепахи Тортилы вылезла из панциря.

– Молодой человек, вам кого? – спросила она всё тем же ядовитым голоском.

Ахмеду стало невероятно весело от этого «дежавю».

– Я к Анжеле, она дома?

– Нет, но скоро будет. Хотите пройти и подождать её или зайдёте позже?

– Я бы подождал...

– А кто вы?

– Знакомый.

– А... – она не смогла задать следующий вопрос, потому что после звонкого шлепанья босых ног в дверь просунулась чернявая голова улыбающегося пацанёнка, в пижаме и с замотанным горлом.

– Кто тут, а, бабушка? – он пытался пристроить лицо в дверную щель так, чтобы охватить всё любопытным взглядом. Ахмед замер, и огромными от напряжения и влажными от нахлынувших чувств глазами тоже пытался рассмотреть мальчика, частями виднеющегося из-за двери на цепочке. Мальчонка перестал веселиться, пристроил голову полубоком на уровне бабушкиного живота так, чтобы левый глаз видел всё и уже серьёзно смотрел на гостя.

– Папа?

Этого Ахмад не ожидал никак.

– Да. – хрипло выдал он из сдавленного горла.

– Ой! – воскликнула Циля и начала бренчать цепочкой, впуская гостя. – Ой! Ну, надо же!

Она плакала, обнимала Ахмеда, назвала его «сынок», а Ахмед не мог оторвать глаз от сына, который стоял чуть поодаль, осторожно рассматривая отца. Он был так похож на него самого в детстве, как будто сошел со старой фотографии.

– Мама говорила, что ты приедешь. – деловито сказал он, идя за папой в комнату. – Я, честно говоря, не очень верил. А сейчас она в аптеке, потому что я заболел. Ей дали больничный, а мне противные лекарства.

– Как ты меня узнал? – Ахмед сел, усадив сына себе на колени. – Даже бабушка, которая меня видела раньше, и то не узнала.

– И я тебя видел раньше. – он показал рукой на комод, где стояли такие же фотографии, как и те, что хранились у Ахмеда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.